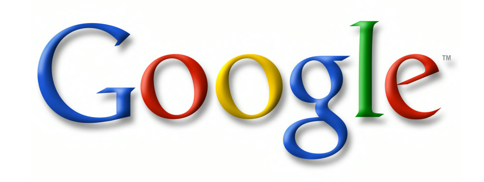

Г. А. ВИТТЕ.

Алексѣй Васильевичъ

КОЛЬЦОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Г. А. ВИТТЕ.

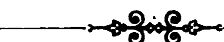
Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе второе, дополненное.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
Телефонъ 120—95.
1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж пер , д. Лисснера

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Проявленіе религіознаго чувства у крестьянина въ различные моменты его жизни, *Прядкина*.—Крестьянскій трудъ съ его горемъ и радостями, *его же*.—Идеализмъ Кольцова въ изображеніи крестьянской жизни и жизнерадостное отношеніе къ природѣ, *Маркова*.—Отголоски миѳическихъ вѣрованій въ стихотвореніяхъ Кольцова, *Стефановскаго*.—Народность пѣсенъ Кольцова, *Радонежскаго*.—Языкъ пѣсенъ Кольцова, *Прядкина*.—Пѣсни Кольцова въ стилистическомъ отношеніи, *Крылова*.—Языкъ пѣсенъ Кольцова въ грамматическомъ отношеніи, *Истомина*.—Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова, *Василькова*.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ небогатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ, онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанскою спесью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастью, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ, — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть-было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго былъ боленъ, такъ что хотя его впослѣдствіи и вылѣчили, однако онъ все-таки чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади черезъ ея голову и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ. Такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ первоначальнаго образованія. Мало того, изъ примѣра Кольцова, мы больше всего убѣдились въ важности первоначальнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ — подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его умственному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то̀, что легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только чрезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы освоиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ первоначальномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать „Иліады", хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ уѣзднаго училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ ороографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и „Бова Королевичъ" съ „Еруслановъ Лазаревичемъ" составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ:

тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Читая сказки, Кольцовъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ, а зимою посылалъ его съ приказчиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи, онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу. Поэтому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, н которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитой войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею, натуры и сказки о Бовѣ и Еруславѣ могли служить нравственнымъ будильниковъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ „Тысяча и одна ночь" и „Кадмъ и Гармонія" Хераскова, особенно первая. И немудрено: арабскія

сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ; романы овладѣли всѣмъ существомъ его, и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ за сходную цѣну сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и риѳмы полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что̀ такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія піесы онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему „Ермакъ“. Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ риѳмами; но у него не было ни матеріала для содержанія ни умѣнья для формы. Однакожъ, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса, подъ названіемъ „Три видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ

уже неохотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему „Три видѣнія“ и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: „Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона“. Видно какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно, его тронуло страстное стремленіе Кольцова къ стихотворству; онъ подарилъ ему „Русскую Просодію“ и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и, сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастьемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ были чувства и привязанности хоть жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другого рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта.

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ

какъ будто почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ риѳмами безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Въ своемъ поэтическомъ призваніи увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и по ихъ слѣдамъ пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же онъ не имѣлъ большой надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какого давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ вознагражденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, Серебрянскій, будучи семинаристомъ, рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему другую дорогу и другое призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ создалъ образованіе.

Кольцовъ былъ поэтъ по призванію, по натурѣ, — и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гонящій скотъ съ родного поля на другое, по колѣни въ крòви присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; приказчикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ, — и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается, какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!... Возвращаясь домой, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ и, въ этомъ отношеніи, уже рѣзко отличился отъ невѣжественныхъ животныхъ въ человѣческомъ образѣ. Но у него есть книги, и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность,

Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня! —

не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!... За чтò же?... Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности, чтобы тяжкимъ трудомъ и скучными хлопотами въ чуждой ему сферѣ способствовалъ матеріальному благосостоянію своего семейства? Но, увы! удивляться этому

презрѣнію и этой ненависти безъ причины — значитъ не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ: онъ не взлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить! Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его вашимъ достоинствомъ, вы — живой упрекъ ему! И если это невѣжество — пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностію и соображеніемъ: тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше ненужны ему.

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву, и черезъ Станкевича пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впослѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журналѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Впослѣдствіи Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное словцо *поэтъ-самоучка, поэтъ-прасолъ*, — и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ — на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщанія въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый прія-

тель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми, — то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой — въ немъ сильно было чувство своего достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ таланта, или литературной рѣдкости, ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такту: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностію. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: „Что де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки“. Другой тоже очень извѣстный литераторъ не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, — она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т.-е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьяненіемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобъ играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣ-

комъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. „Чтò я ему? Чтò такое во мнѣ?" говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...

Однакожъ, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь освоивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проницательности, — что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели проницательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впослѣдствіи...

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь — Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакòмиться съ второстепенными. Сперва онъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что это мужичокъ, котораго они думали импонировать своею литературною важностью, видитъ ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Мо-

сквѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно-пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: „Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже“, скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, непріятностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, — и я жизнью живу и тону своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь, даже и съ охотою. Новаго не написалъ ничего — некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе, я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питеръ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по-своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; любитъ меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Степь опять очаровала меня, я, чортъ знаетъ, до какого самозабвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: „Пора любви“ — она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхать погостить — и въ городъ въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Серебрянскій доѣхалъ до двора, но очень бо-

ленъ; кажется, проживетъ не болѣе мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я. самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то, что, въ самомъ дѣлѣ, изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Уже видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ“.

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но зато поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели, какъ, можетъ-быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла его отраду; онъ любилъ еще степь, но ужъ не такъ, какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному... Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Прежнія знакомства, дотолѣ сносныя и, можетъ-быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимыми, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ его стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостью, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепіано и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недовѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все

на свѣтѣ могъ перенести кромѣ этого, и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы. Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно уже умеръ, къ его крайнему прискорбію. Съ отцомъ онъ былъ всегда на политическихъ отношеніяхъ, которыя и въ размолвкѣ и въ мирѣ были борьбою. Тутъ старые предразсудки и невѣжество явно и тайно боролись съ смѣлымъ умомъ и стремленіемъ къ свѣту. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову,—вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали наружному миру и согласію между отцомъ и сыномъ. Къ тому же, сынъ былъ еще необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣніи и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій—и его благосостояніе совершенно упрочилось; но, въ случаѣ неуспѣха, должно было слѣдовать конечное разореніе.

Если бы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18-ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, а его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзеніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣятельности. Но онъ понемногу и незамѣтно для самого себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей и борьба съ ними; здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ въ степи одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на трагикомедію, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ расчета. При этомъ расчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ-быть и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!... Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну...

Около этого времени, т.-е. послѣдней поѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго дохода. Къ несчастію, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое впослѣдствіи дорого ему стóило... Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и черезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любитъ одни облака и не любитъ земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна, — и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома, онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры съ внѣшнею дѣйствительностью. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей, Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ... Но пока надо было жить, какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: „Батенька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; а дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи“. Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю: „Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отъ чего — не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ — вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой о чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано; не хотѣлось бы

это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше свободнаго времени — посмотримъ. Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно — и лучше. Онъ ко мнѣ больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, а все виною хорошій конецъ дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ: ему старику это идетъ".—Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому же лицу: „Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь; но что жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда — ажъ на душѣ тошнитъ, такъ хорошо мнѣ жить! — Серебрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылося, много надеждъ не исполнилось — проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо удобритъ человѣкъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не сберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не пбмочь — ей нуженъ въ пору дождь. А этой-то земной благодати и капли не сошло на его жизнь; нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать, былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали". Интересны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой симпатической натуры дружескія связи и отношенія. „Не было еще мучительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. Плохое, мучительное дѣло, больной Серебрянскій — смерть его все довершила. Скажите: въ одну минуту разломить, что крѣпло нѣсколько лѣтъ — моя любовь къ нему, прекрасная душа его, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее — и все вдругъ! Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему я онѣмѣлъ было совсѣмъ, и всему хотѣлъ сказать: *прощай!* и если бы не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь меня не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сходка, общество людей — конечно, хорошо, но если есть *человѣкъ*, то такъ; а безъ него толпа не много даетъ. Опять я такой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія; иначе я — нуль. Никто меня не уничтожитъ съ другою душою, а собственно мою уничтожитъ всякій".

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, а горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. „Пророчески угадали вы мое положеніе (писалъ онъ въ 1840 году, въ Петербургъ, къ пріятелю); у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воро-

нежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо подерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду: это неминуемо, какъ дважды два — четыре. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ, и частью, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея“. Въ это время, Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ — принять на себя завѣдываніе конторою „Отечесвтенныхъ Записокъ“. Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество со всѣми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того ни другого предложенія нельзя было принять еще потому, что, по причинѣ долга въ 20.000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажился въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3000 рублей. Опоздай онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву, гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности расплатиться по немъ. И это было бы дѣломъ отца его. „Онъ человѣкъ простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотитъ на обухѣ. Такъ его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ другимъ — ему и дѣла нѣтъ, и онъ что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, ворчитъ и сердится: вы, говоритъ, все по-книжному да по-печатному, народъ грамотный — ума палата“. — Далѣе: „Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу; буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду — мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго — это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ — татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ — беремя:

стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счёты, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу? — для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлецъ такъ на меня и лѣзетъ, дескать, писакѣ-то и крылья ошибить... Это меня часто смѣшитъ, когда какой-нибудь чудакъ пѣтушится“.

Осенью 1840 года снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжебнымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми, родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда, Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безъ всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, приказчика, мелкаго торгаша — одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю: „Ахъ! если бы къ вамъ скорѣе! Если бъ вы знали, какъ не хочется ѣхать домой — такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда, а надо ѣхать, — необходимость, желѣзный законъ“. Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. „Не хочется ѣхать, (писалъ онъ) да и только. Вотъ пришло время — и домъ и родные не взлюбились наконецъ. И если бъ была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ — я бы прямо маршъ, и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя, — и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодъ. Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла, чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ Старикъ мой говоритъ: денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно, хотя бы кончилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ — съ Богомъ, во святой часъ. Благо-

словеніе дамъ, а больше ничего. — Я прочелъ сіи родительскія строки и сказалъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Спросите, отчего это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи, и потому любилъ меня до излишества; а теперь она ему не страшна — и домъ его и все у него въ рукахъ: такъ я, выходитъ, сталъ ему не нуженъ... Эта новость, и особенно эта непризнательность срѣзали меня глубоко. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохватилъ меня голодъ, и я присѣлъ — и хорошо сдѣлалъ".

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашелъ, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, благодаря старческой мудрости и опытности, и принялся ихъ устраивать. Отецъ принялъ его холодно, и едва согласился давать ему тысячу рублей въ годъ изъ семи тысячъ, которыя долженъ былъ приносить домъ, въ ожиданіи чего, Кольцовъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ, — онъ, которому одному все семейство было обязано своимъ благосостояніемъ... Тогда имъ овладѣла одна мысль — устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ себя дурно чувствовать, и на Страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожъ кое-какъ оправился. Къ счастью, докторъ его былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его болѣе изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ расчета; онъ зналъ впередъ, что получитъ бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни Кольцовъ говорилъ ему: „Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ". Докторъ ручался за его излѣченіе. „Когда такъ, будемъ лѣчиться". Что терпѣлъ Кольцовъ во время болѣзни отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багряныхъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумною жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ — красавица, умна, образована, и ея организація вполнѣ соотвѣтствовала его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки, онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ за тѣмъ открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ,

по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченья, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на все прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургѣ: „Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте — на долго ли? — не знаю. Но-какъ то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще — прощайте, и въ третій разъ прощайте. Если бъ я былъ женщина, хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!“ А между тѣмъ все письмо проникнуто бодростью духа, надеждою и даже веселостью...

Но это выздоровленіе было только отсрочкою смерти. Для возстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а между тѣмъ его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили, какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ. Иногда ему не на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чая, ни сахара, ни свѣчей, а иногда мать его только украдкою отъ отца могла доставлять ему обѣдъ и ужинъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, гдѣ ему не было бы покоя ни на минуту. Онъ перешелъ въ мезанинъ, который цѣлую зиму не топился, — ему отказано было въ дровахъ, и онъ добывалъ ихъ по ночамъ, какъ воръ. Узнавши объ этомъ, ему обѣщали выгнать его по шеѣ изъ дому... Дѣлать было нечего, и онъ перешелъ внизъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ, у сестры его, много было гостей, и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накрыли ее простынею и начали хоромъ пѣть вѣчную память рабу Божію Алексѣю... Это была невинная шутка...

Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры. „Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ, не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору, у насъ вечеринки каждый день — шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу

не курить, — курятъ больше; прошу не благовонить — больше; прошу не мыть половъ — моютъ". Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за мерзости, которыя съ нимъ дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. „Я теперь, славу Богу, живу покойно, смирно. Они меня не безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ старшой. Съ отцомъ вижусь рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ больше пока, и я имъ доволенъ. Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай, есть сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое лучше. Началъ прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духовныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, съ лица зелень сошла, глаза чисты". Въ заключеніе письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что если и выздоровѣвши, такимъ останусь? — Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни, или — маршъ на покой!"

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресала въ немъ, какъ скоро начиналъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: „Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все, ѣхать въ Петербургъ. Удерживаться дома — житье мнѣ будетъ плохое. Но все старикъ меня, какъ ни говори, а со двора не сгонитъ. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаетъ лѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; скажи я имъ, они помогутъ. Съ старикомъ уладиться легко — жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ. Но зато, надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? не могу; отъ себя заниматься? не на что. Положить надежду на мои стишонки: чтò за нихъ дадутъ! И чтò за нихъ буду получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой — надо говорить правду — особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. — В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ, да немного, да и то живя въ Москвѣ и въ Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? — Плохо!"

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27 февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ нему, но отвѣта не было; а осенью мы получили изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Онъ умеръ 19 октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Бѣлинскій.

Стихотворенія Кольцова.

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся пьесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Таковы пьесы „Сирота“, „Ровеснику“, „Маленькому брату“, „Ночлегъ чумаковъ“, „Путникъ“, „Красавицѣ“, „Сестрѣ“, „Приди ко мнѣ“, „Разувѣреніе“, „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный“, „Мщеніе“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“, „Къ рѣкѣ Гайдарѣ“, „Что значу я“, „Утѣшеніе“, „Я былъ у ней“, „Первая любовь“, „Къ ней же“, „Наяда“, „Къ N.“, „Соловей“, „Къ другу“, „Изступленіе“, „Поэтъ и няня“, „А. П. Серебрянскому“. Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ, изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзіи могъ бы усовершенствоваться до извѣстной степени; но не иначе, какъ съ трудомъ и усиліемъ выработавши себѣ стихъ и оставаясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и какъ бы ни выработалъ онъ его, все-таки никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и виденъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ, но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ себѣ настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то ужъ безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія подражать или состязаться съ другими поэтами. Особенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ риѳмы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ пьесъ: „Цвѣтокъ“, „Бѣдный призракъ“, „Товарищу“) пьесы: „Послѣдняя борьба“, „Къ милой“, „Примиреніе“, „Міръ музыки“, „Не разливай волшебныхъ звуковъ“, „Къ***“, „Вопль страданія“, „Звѣзда“, „На новый 1842 годъ“. Пьесы же: „Очи, очи голубыя“, „Размолвка“, „Люди добрые, скажите“, „Теремъ“, „По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ“, „Совѣтъ старца“, „Глаза“, „Домикъ лѣсника“, „Женитьба Павла“— составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду — русской пѣснѣ.

Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ безсознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровала его въ устахъ простого народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня — не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастью, ему попалась въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданная въ 1829 году). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидѣлъ между „настоящими" стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ — вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и, вѣрно, онъ ученый человѣкъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть, русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а тоже — поэзія... И съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первыя пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣсней и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года, ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пьесамъ: „Кольцо", „Удалецъ", „Крестьянская пирушка", „Размышленіе поселянина" (1830—1832), недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсенъ: „Ты не пой, соловей" (1830) и „Не шуми ты, рожь" (1834), начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляются, большею частію, два слова: *талантъ* и *геній*. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ — высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше — вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и, наконецъ, историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому до него не извѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но безсознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя

генія — милліонъ, потому-что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается *всеобщность* его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта, — и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ оттого, что ослѣпъ, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло, или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д. Безъ этихъ случайностей, всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравится только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній, или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствіе оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнью, его вдохновеніе есть не что иное, какъ „плѣнной мысли раздраженье“ — мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стремится онъ. Поди онъ противъ — и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, порождаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнутъ и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чуждаго вліянія, или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что и геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почтенныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства такихъ людей называютъ большими и великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названія *геніальныхъ талан-*

товъ, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому, мы должны оправдать употребленное нами выраженіе „геніальнаго таланта", показавши его отношеніе къ „генію" и „таланту". Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственною жизнью, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности, со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя, — тогда какъ вліяніе геніальнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности, геніальный талантъ — одинъ уголокъ ея. Что̀ въ геніи составляетъ полноту его существованія, — то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства — это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніальнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ, пьедестала, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта, идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому, талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ, онъ дѣлается жертвою собственнаго успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою — толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между геніальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ. Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который — не одно

съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ — внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовавшись огромною извѣстностью и которые, несмотря на то, сумѣли вознаградить себя другими благами жизни: пріобрѣли большіе чины или большія деньги и прекрасно живутъ себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный геніальнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его таланта, его талантъ — его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, біеніе его сердца, дыханіе его груди, словомъ — весь онъ самъ. Это роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: оно у него — инстинктъ, натура, страсть. Въ отношеніи къ своему признанію, онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
. . . .
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніальнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ *человѣка съ поэтомъ*. Тутъ замѣчательность таланта происходитъ отъ замѣчательности человѣка, какъ *личности*, какъ *натуры*; тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не условливаетъ собою необыкновеннаго человѣка: тутъ человѣкъ и талантъ — каждый самъ по-себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ, которыя въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна, — и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка *есть лицо*, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность; и однакожъ въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ особности. Лицо есть выраженіе, душа человѣка; но вѣдь есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыя видишь безпрестанно цѣлые годы и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно, *личность* имѣетъ свои степени и свою постепенность. Чѣмъ

общѣе, тѣмъ ничтожнѣе она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностью, тѣмъ она выше. Поэтому, геній есть высочайшее развитіе личности. Тайну генія составляетъ собственно не умъ; умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и при томъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно тоже, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заключается больше всего въ какой-то непосредственной творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что-то такъ же неуловимое и невыразимое словомъ, какъ выраженіе физіономіи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но физіологическая жизнь все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности генія, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе не только генія, но и всякой сколько-нибудь высшей насъ личности. Иногда геніальная личность, обдѣленная образованіемъ и не подозрѣвающая своего значенія, съ смиреніемъ и робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученіемъ и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкновенный человѣкъ, въ присутствіи геніальнаго невѣжды, какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ что значитъ *личность, натура*, — и талантъ тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурою человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ, не имѣя ни ума ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могутъ существовать безъ связи съ личностью и натурою человѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основаніи влеченія самобытными образцами, но выраженіе внутренней сущности человѣка, его личности, его натуры — тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже сила творческая, зиждительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра геніальности, — и если, по его объему, его нельзя назвать „геніемъ", то можно и должно назвать „геніальнымъ талантомъ".

Къ числу *такихъ* талантовъ принадлежитъ и талантъ Кольцова.

Пока сочиненія Кольцова были разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, подобное заключеніе о его талантѣ не безъ основанія могло бы показаться нѣсколько преувеличеннымъ; но теперь, когда все написанное имъ собрано въ одной книгѣ, и наше мнѣніе можетъ быть повѣреннымъ, мы смѣло выговариваемъ его не какъ простое мнѣніе, но какъ глубокое и обдуманное убѣжденіе.

Кромѣ пѣсенъ, созданныхъ самимъ народомъ, и потому называющихся „народными", до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсенъ, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже пріобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика

охотно утвердила титулъ „народныхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно *подражаетъ* народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но, несмотря на то, въ цѣломъ, его русскія пѣсни не что иное, какъ *романсы*, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что̀ же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига — это уже рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій или, еще ближе къ дѣлу, италіанскій баринъ. Мерзляковъ, по крайней мѣрѣ, перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго. Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго; но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ пьесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и выражено въ народной формѣ, видна душа глубоко-русская, но въ то же время, видна и та художественная объективность, которая сдѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ другъ другу, и благодаря которой онъ въ „Каменномъ гостѣ“ изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностью, какъ въ „Русалкѣ“ изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой „Русалкѣ“, если внимательнѣе прислушаться къ ея звукамъ, приглядѣться къ ея колориту, — нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе *обрусѣнныхъ* поэтомъ, если можно такъ выразиться, нежели чисто русскихъ. Сейчасъ видно, что эта пьеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсенъ Кольцова: въ нихъ и содержаніе и форма чисто русскія, — и несмотря на всю объективность своего генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣсней онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничествовать, — но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только, какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ Пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьнскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, — зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по своей натурѣ и своему положенію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселью, и вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если же пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ, онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовью крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его „Пѣсню пахаря“ и „Урожай“. Сколько сочувстія къ крестьянскому быту въ его „Крестьянской пирушкѣ“ и въ пѣснѣ:

Что ты спишь, мужичокъ!
Вѣдь уже лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ пряслю глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ реторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему

образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ-быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ-за копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху.

Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому; въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться — жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ-отцомъ, разсказывать ребятишкамъ сказки, *бо-тѣть*, старѣться. Такъ говоритъ онъ, хоть оно и не тово, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? „Гдѣ избытокъ мой зарытъ?“ И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда ни глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

Но если гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка — тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться:
Съ злою долей перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни („Измѣна суженой“), прочтите пѣсню: „Ахъ, зачѣмъ меня“ — какая разница! Тамъ буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія, значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы, значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и съ идеею бываетъ достояніемъ только одной геніальности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произве-

денія не долговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаетъ формою, и тогда его произведенія эфемерны со стороны содержанія; но главное, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, богатыя мыслію или щеголяющія внѣшнею красотою, они лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о самобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами, — и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому, оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство геніальности, есть черта, которая отдѣляетъ геніальность отъ простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною, или изысканною: тогда она увлекаетъ только на минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть геніальность. Истинная оригинальность въ изобрѣтеніи, а, слѣдовательно, и въ формѣ, возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностью Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны, его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова.

Кольцовъ никогда не проговаривается противъ народности, ни въ чувствѣ ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени *русской* поэзіи. Съ этой стороны языкъ его столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими напримѣръ, усыпаны, такъ сказать двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.

Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

—

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

—

Иль у сокола
Крылья связаны,

Иль пути ему
Всѣ *заказаны?*

—

Не держи жъ, пусти, дай волюшку, Дай опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана — гдѣ тѣланится, Молодымъ кудрямъ счастливится.

—

Отчего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее, значило бы большую часть пьесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ. И потому, мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльныхъ пьесъ. Скажемъ просто: если бы Кольцовъ написалъ только такія пьесы, какъ „Совѣтъ старца", „Крестьянская пирушка", „Размышленіе поселянина", „Два прощанія", „Размолвка", „Кольцо", „Пѣсня старика", „Не шуми ты, рожь", „Удалецъ", „Ты не пой, соловей", „Пѣсня пахаря", „Не на радость, не на счастье", „Всякому свой таланъ", „Пѣсня о Грозномъ", „Я любила его", „Что онъ ходитъ за мной", „Нынче ночью къ себѣ",—и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ пьесахъ, какъ „Урожай", „Молодая жница", „Косарь", „Раздумье селянина", „Горькая доля", „Пора любви", „Послѣдній поцѣлуй", „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ", „Пѣсня разбойника", „Тоска по волѣ", „Говорилъ мнѣ другъ прощаючись", „Безъ ума, безъ разума", „Разлука", „Расчетъ съ жизнью", „Перепутье", „Дуютъ вѣтры", „Грусть дѣвушки", „Доля бѣдняка", „Ты прости-прощай", „Разступитесь, лѣса темные", „Какъ здоровъ да молодъ"?—Такія пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить—со слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до пьесъ „Лѣсъ" (посвященный памяти Пушкина), „Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича", „Ахъ, зачѣмъ меня", „Измѣна суженой", „Деревенская бѣда", „Бѣгство", „Что ты спишь, мужичокъ", „Въ непогоду вѣтеръ", „Дума сокола", „Свѣтитъ солнышко", „Такъ и рвется душа", „Много есть у меня", „Не весна тогда", „Хуторокъ" и „Ночь"—эти пьесы принадлежатъ не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсенъ — талантъ Кольцова былъ, по преимуществу, лирическій: но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ пьесъ: „Измѣна суженой", „Деревенская бѣда", „Бѣгство", обѣ „пѣсни Лихача-Кудрявича", и на страстно-драматическій характеръ пьесы: „Хуторокъ" и „Ночь".

Почти всѣ пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриѳма, вмѣсто риѳмы, а часто и совершенное отсутствіе риѳмы, какъ созвучія слова, но, взамѣнъ, всегда риѳма смысла или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы — все это приближаетъ размѣръ пѣсенъ Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсенъ. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія

о версификаціи и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно, умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсенъ, такъ что его и не подозрѣваешь въ нихъ. Притомъ, онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна.

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ *думы* — особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому, въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: *вопросъ и рѣшеніе*. Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: „Великая тайна", „Неразгаданная истина", „Молитва", „Вопросъ". Такъ, напримѣръ, что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслью, выраженною поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будитъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но не развитой умъ, томясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь реторическою фразой о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкой противъ слабости ума человѣческаго, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: „Неразгаданная истина", которая оканчивается такъ:

Подсѣку жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья.
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались и берутся за вопросы выше ихъ времени или выше ихъ самихъ. Кольцовъ, съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіей, доходящею до высокаго (sublime); чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть его „Великую тайну". Несмотря на мистическую темноту выраженія,

которая иногда доходитъ до рѣшительной безсмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы „Божій міръ“, и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ или, лучше сказать, больше предощущалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что хотѣлъ выразить словомъ, — несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія и мысли и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полуграмотнаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что не осуждали Кольцова эти „многіе“ — даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостью къ Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И по дѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удостоенному, за его талантъ, чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей, — какъ было ему, при нихъ, „смѣть свое сужденіе имѣть“!... Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ высшею натурой, но обдѣленный образованіемъ, могъ, на своемъ странномъ языкѣ, вслухъ выговаривать то, что глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и ошибается-то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что онъ ошибается *по-своему*, они говорятъ чужое...

Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ ихъ чисто русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ думахъ Кольцовъ — русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія настолько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не настолько, чтобы овладѣть ею и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому онъ по необходимости говоритъ ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій; но потому же онъ въ своихъ думахъ искрененъ и истиненъ до наивности, — что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простого народа, но все же онѣ были бы для него гораздо высшею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсенъ, — и потому были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ думы Кольцова, изложенныя образами и складомъ чисто русскими и представляющія собою первую высшую ступень простого русскаго человѣка въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію, были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжаться, если бъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ

туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служитъ его превосходная дума „Не время ль намъ оставить“, написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка. *Бѣлинскій.*

Поэзія крестьянскаго быта.

Въ жизни человѣческой и вообще въ мірѣ нѣтъ такого зла, которое мы имѣли бы право разсматривать и изображать въ отрѣшенномъ, изолированномъ видѣ, независимо отъ причинъ, которыя произвели его. Всякое зло, взятое отдѣльно, какъ самостоятельное явленіе — чистая ложь, потому что въ дѣйствительности зло не имѣетъ никакой самостоятельности. Но такъ какъ истинный художникъ никогда не изображаетъ дѣйствительности такъ, чтобъ она не намекала на какія-нибудь явленія, съ которыми находится она въ тѣсной, органической связи, и которыя пріобщаютъ ее къ сферѣ человѣческихъ интересовъ, то и взякое зло, всякая грязь, всякая гнусность, пройдя сквозь призму художественнаго созерцанія, сбрасываетъ съ себя ту печать отверженія, которую налагаетъ на него обыкновенный прозаическій взглядъ на жизнь. Видъ всякой язвы отвратителенъ; но когда вы встрѣчаете ее на рисункахъ, приложенныхъ къ медицинскому сочиненію, не въ отвлеченіи, а на тѣлѣ живого человѣка, въ которомъ признаете своего брата, второго себя, — къ какому бы состоянію онъ не принадлежалъ, въ большихъ ли онъ чинахъ, или въ малыхъ, или совсѣмъ безъ чиновъ, — въ васъ заговоритъ любовь, вы почувствуете на самомъ себѣ эту язву, вы схватитесь за собственную грудь и ощутите собственными нервами ту самую боль, которая сводитъ въ судороги члены вашего брата: тогда и язва не только потеряетъ въ вашихъ глазахъ всю свою отвратительность, но и возбудитъ въ васъ могущественную симпатію. Все дѣло только въ томъ, чтобы вы узнали въ прокаженномъ себя самого а въ этомъ распознаваніи никто не можетъ вамъ помочь такъ, какъ истинный художникъ, если онъ вздумаетъ воспроизвести передъ вами горестное явленіе. Вотъ почему грязь, оставаясь грязью подъ кистью копіиста, превращается, въ картинѣ талантливаго художника, въ такую же поэзію, какъ и всякая другая дѣйствительность. Изъ этого слѣдуетъ также, что̀ возможность наслажденія изящнымъ произведеніемъ, въ которомъ много такого, что нынче называютъ *грязнымъ*, а въ старину называли *подлымъ*, зависитъ отъ филантропическаго развитія самихъ читателей.

Вотъ все, что̀ казалось намъ необходимымъ сказать о содержаніи художественнаго произведенія вообще для того, чтобъ имѣть право признать изящество содержанія той части поэзіи Кольцова, которая

имѣетъ предметомъ своимъ русскій крестьянскій бытъ, и противопоставить свой взглядъ тому, кто сталъ бы находить въ нихъ *пошлость*, *дагерротипированіе* и *грязь*. Въ заключеніе этого перваго вопроса приведемъ какія-нибудь выписки. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе „Молодая жница". Передъ вами крестьянка, которая влюблена ничѣмъ не хуже какой-нибудь блѣдной барышни

Съ туманной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ,

а между тѣмъ посмотрите, какъ тяжко она обставлена своимъ бытомъ:

Высоко стоитъ и т. д.

Вотъ еще стихотвореніе, въ которомъ *человѣкъ* такъ слитъ съ *крестьяниномъ*, что, прочитавъ его, нельзя не почувствовать самой нѣжной любви къ кафтану и лаптямъ: не потому, разумѣется, чтобъ въ нихъ-то и заключалась вся тайна и разгадка гуманности, а потому что Кольцовъ умѣетъ слишкомъ хорошо выставить изъ-подъ самой неграціозной оболочки то, что̀ часто заглушено подъ блестящимъ костюмомъ. См. „Размышленія поселянина".

Вотъ что̀ значитъ возводить дѣйствительность въ поэзію! Мы не будемъ приводить другихъ примѣровъ, потому что матеріаломъ большей части стихотвореній Кольцова служитъ русскій крестьянскій бытъ, на который онъ, какъ истинный художникъ, смотритъ со стороны его человѣческаго характера, въ то же время никогда не погрѣшая противъ дѣйствительности.

Не ограничивается ли сфера поэзіи Кольцова возведеніемъ въ поэзію, то-есть гуманизированіемъ русскаго крестьянскаго быта? Мы полагаемъ, что эта сфера гораздо обширнѣе, и что поэзія русскаго крестьянскаго быта составляетъ только одну изъ подчиненныхъ областей того міра, который создалъ или, по крайней мѣрѣ, стремился создать, нашъ художникъ. Въ собраніи его стихотвореній находимъ мы много превосходныхъ пьесъ, отличающихся глубокою оригинальностью и вовсе не заключающихъ въ себѣ отвѣта на вопросъ объ упомянутомъ характерѣ русскаго крестьянина. Читая эти пьесы, нельзя не замѣтить, что другая, несравненно громаднѣйшая задача занимала поэта, другое колоссальное богатырское стремленіе рвалось изъ тревожной души, силилось пробиться сквозь огромныя препятствія, иногда и успѣвало на мигъ находить себѣ выходъ, но всегда должно было возвращаться внутрь себя, однакожъ, не для коснѣнія въ безвыходномъ отчаяніи, а для пріисканія новыхъ путей къ выходу на широкое поле свободной дѣятельности. Это могучее, ничѣмъ несокрушимое стремленіе не переставало бушевать въ сердцѣ Кольцова до самой его смерти и выразилось во всей своей физіономіи въ его стихотвореніяхъ... Къ чему же онъ стремился? Къ чему рвалась эта странная сила, раздраженная, но не смятая преградами? Онъ стремился къ *жизни*, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполнен-

ной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями — символами могучей жизненности. Прочитайте его біографію: вы увидите, что вся жизнь его прошла въ борьбѣ съ дѣйствительностью, которая безжалостно дразнила его, указывая ему повременамъ тотъ обѣтованный край, къ которому онъ стремился, для того только, чтобъ снова отбрасывать его къ началу пути. Болѣе всего на свѣтѣ Кольцовъ любилъ искусство и науку: но ни съ тѣмъ ни съ другимъ не имѣлъ средствъ ознакомиться такъ, какъ хотѣлъ и какъ необходимо ознакомиться для того, чтобъ они питали душу. Всю жизнь мечталъ онъ о томъ, чтобъ попасть въ кругъ людей мыслящихъ, но попадалъ въ него не на долго, только для того, чтобъ возвращаться къ людямъ, никогда его не понимавшимъ. И та дѣятельность, которой поневолѣ предавался онъ всю жизнь, не только не вела его къ успѣхамъ, но еще и раздражала его постоянными неудачами и часто даже жестокими ударами! Спрашиваемъ: чего можно ожидать отъ обыкновеннаго человѣка въ такомъ положеніи? Какъ проявляется обыкновенная натура, встрѣчая противорѣчіе между своими стремленіями и дѣятельностью? Быстрымъ изнеможеніемъ силъ и отвращеніемъ отъ дѣятельности вообще. Мы привыкли укорять людей за лѣность, за презрѣніе къ труду, привыкли читать цѣлымъ народамъ филиппики на эту тему, написали во всѣхъ азбукахъ и прописяхъ, что она, лѣность, есть мать всѣхъ пороковъ, и въ жару восторга забыли думать о томъ, что по непреложному закону причинности, и мать всѣхъ пороковъ не есть первая, самостоятельная, сама въ себѣ заключенная сила, не имѣющая начала въ другихъ явленіяхъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы можете требовать отъ вашего сына, чтобъ онъ прилежно занимался, напримѣръ, музыкой, когда въ немъ сильнѣе всего развита потребность гимнастики, или чтобъ онъ посвящалъ силы свои коммерческимъ оборотамъ, тогда какъ въ немъ преобладаетъ потребность умственнаго созерцанія? Конечно, посредствомъ напряженія силъ можно заставить себя сдѣлать все, что угодно, съ грѣхомъ пополамъ; но, во-первыхъ, малая сила скоро должна уступить напору большей силы и истощиться; во-вторыхъ, зачѣмъ же обрекать человѣка на посредственность въ одной сферѣ труда, если онъ можетъ быть хорошимъ дѣятелемъ въ другой? въ-третьихъ, зачѣмъ обрекать его на муку, когда бы онъ могъ найти въ своей нормальной дѣятельности наслажденіе, для котораго созданъ наравнѣ со всѣмъ чувствующимъ? А главное, какъ можно требовать отъ обыкновеннаго человѣка, или отъ массы людей, чтобъ они не лѣнились, когда обстоятельства, вмѣсто того, чтобъ постоянно развивать ихъ силы и направлять ихъ къ удовлетворенію потребностей, то-есть къ наслажденію, ежеминутно ведутъ ихъ къ изнеможенію и къ мукѣ не какимъ инымъ путемъ, какъ путемъ труда, только не нормальнаго, а вынужденнаго?... Чѣмъ обыкновеннѣе, то-есть чѣмъ бѣднѣе натура человѣка, тѣмъ спеціальнѣе его преобладающая потребность, тѣмъ тѣснѣе и кругъ условій, при которыхъ онъ можетъ находить себѣ

удовлетвореніе въ трудѣ. Этимъ объясняется безпрестанно встрѣчающееся въ обыкновенныхъ маложизненныхъ людяхъ и отвращеніе отъ труда вообще, и апатическій взглядъ на жизнь, и даже безвыходное отчаяніе. Съ такою натурой надо обходиться очень заботливо, ведя ее постепенно по той колеѣ, въ которой она сама собою устремляется, не будучи въ силахъ вынести другого пути. Напротивъ, у натуры, одаренной многоразличными потребностями, такъ много сочувствія къ жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, такъ много гибкости и разнообразія въ наслажденіяхъ, что она можетъ выдержать самый отдаленный, самый окольный путь къ завѣтной мечтѣ своихъ стремленій, извлекая наслажденіе изъ того, что̀, повидимому, не можетъ возбуждать въ ней никакого сочувствія. Здѣсь должно искать отвѣта на вопросъ: почему огромный талантъ выходитъ на свою дорогу, несмотря ни на какія препятствія, между тѣмъ какъ слабый спотыкается на первыя преграды и испаряется, какъ летучій газъ изъ легко прорываемой оболочки. Мало того, что первый слишкомъ тѣсно связанъ съ личностью, такъ сказать, съ темпераментомъ человѣка: путь жизни, усѣянный преградами къ естественному развитію, можетъ обезличить человѣка и дѣйствительно обезличиваетъ милліоны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый талантъ глохнетъ и исчезаетъ. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ огромнѣе талантъ, тѣмъ онъ многостороннѣе, — а это не могло бы и быть, еслибъ въ человѣкѣ, имъ одаренномъ, не было сочувствія къ разнообразію дѣйствительности, и еслибъ онъ не находилъ какой-нибудь пищи душѣ до тѣхъ поръ, пока попадетъ на то содержаніе, къ которому преимущественно стремится. Итакъ, любовь къ жизни со всѣми ея свойствами и во всѣхъ ея формахъ есть необходимый атрибутъ огромнаго, многообъемлющаго таланта, неизбѣжное условіе его способности пребывать въ силѣ и полнотѣ. Исторія всѣхъ геніальныхъ людей подтверждаетъ эту психологическую истину: всѣ они одарены были отъ природы обиліемъ самыхъ разнообразныхъ потребностей и страстною любовью къ многообразному наслажденію жизнью: обстоятельство, которое помогало имъ выдерживать продолжительную борьбу съ препятствіями, отдалявшими ихъ отъ завѣтныхъ цѣлей, отъ задушевной дѣятельности. Таковъ былъ и Кольцовъ: любовь къ жизни во всей ея обширности составляла основу его личности и выразилась въ его поэзіи. Рано почуствовалъ онъ въ себѣ поэтическое призваніе и склонность къ умственной дѣятельности, сообразной съ этимъ призваніемъ. Случайныя обстоятельства доставили ему и возможность ознакомиться со средствами къ утоленію терзавшей его жажды. Но въ то же время необходимость удерживала его или въ степи, среди стадъ и гуртовщиковъ, или на городскихъ рынкахъ, гдѣ, въ качествѣ прасола, онъ тратилъ силы свои на возню съ торгашествомъ и надувательствомъ. И что жъ? Онъ не только не изнемогъ подъ бременемъ этой дѣйствительности, но еще отыскалъ въ ней источники упоеній и матеріалъ для поэзіи. Тяжело было ему жить въ степи, потому что душа его рвалась въ міръ, созданный наукой и просвѣтленный искусствомъ;

но самая степь плѣняла его своею нерукотворною красотою; онъ любилъ ее, какъ художникъ... Еще тяжелѣе было ему сносить всѣ явленія окружавшаго его быта; но и въ этомъ быту художественный инстинктъ его отыскалъ искры человѣчности, заслоненныя отъ глазъ обыкновеннаго человѣка, и создалъ то, что называемъ мы поэзіей крестьянскаго быта. Наконецъ, самый родъ труда, которому онъ посвящалъ свои силы, казалось, долженъ бы былъ довести его до отчаянія; напротивъ, онъ не могъ не любить своихъ занятій, не могъ отказать имъ въ плѣнительности, потому что какъ ни рознили они съ его склонностями, все-таки онъ видѣлъ въ нихъ исходъ для дѣятельности гимнастику способностей и, можетъ быть, забвеніе горестныхъ думъ..,

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруя силамъ души
Да могучимъ плечамъ.
На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день
Что есть мочи трудись.
Неудача, бѣда?
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.
И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ
И на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.
Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.
И тѣжъ люди враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ
Назовутся въ друзья.
Ты на нихъ не сердись!
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстнаго увлеченія, что онъ плѣнялся жизнью, представляя ее себѣ въ какомъ-то упоительномъ отвлеченіи, охватывая любовью всѣ ея стороны разомъ, благословляя однимъ задушевнымъ гимномъ все ея содержаніе, и добро и зло, и радость и горе. Казалось бы, что такой взглядъ не можетъ составлять поэтическаго содержанія; ибо по привычкѣ къ мелкимъ, одностороннимъ страстямъ, намъ не вѣрится, чтобъ такая многообъемлющая идея, какова идея жизни, могла быть прочувствована человѣческимъ сердцемъ и изъ чистой мысли перейти въ ощущеніе. Но посмотрите и подивитесь, какъ легко совершался этотъ процессъ въ могучей натурѣ нашего поэта, и согласитесь, что онъ носилъ въ себѣ силы исполина:

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.
Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.
Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,—
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!
Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?
Поднимись — что силы,
Размахни крылами:
Можетъ наша радость
Живетъ за горами.
Если нѣтъ, у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся.

Послѣдніе два стиха составляютъ истинный паоосъ жизненности. Но вотъ еще цѣлая пьеса, заключающая въ себѣ ту же тему, выраженную въ формахъ удальства:

Какъ здоровъ и молодъ —
Безъ веселья веселъ;
Безъ призыва счастье
И валитъ, и ѣдетъ.
Въ непогоду-вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи, попъ, баринъ —
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы
У царя-головки —
Погулять по свѣту,
Пожить нараспашку;
Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ,
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!...

Нельзя пропустить безъ вниманія тѣхъ стихотвореній Кольцова, въ которыхъ жизненность его выразилась въ отрицаніи и стремленіи. Считаемъ необходимымъ указать на нѣсколько необходимыхъ пьесъ, обнаруживающихъ его борьбу съ дѣйствительностью, его постоянное порываніе въ лучшій міръ и доказывающихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его способность принимать жизнь такъ, какъ она есть, не имѣла ничего общаго съ свойствомъ натуръ, неспособныхъ къ развитію и довольныхъ всѣмъ на свѣтѣ по безстрастію. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательны, напримѣръ, стихотворенія: „Удалецъ", „Тоска по волѣ", „Дума сокола", „Перепутье", „Много есть у меня". Посмотрите, какимъ могучимъ героемъ напоены, напримѣръ, вотъ эти стихи:

Мнѣ ли, молодцу
Разудалому,
Зиму зимскую
Жить за печкою?
Мнѣ ль поля пахать?
Мнѣ ль траву косить,

Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?
Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ...

Или слѣдующее:

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?
Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдоль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачехой
Самъ собою жить!...

Или:

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...
Хоть не такъ оно невыгодно,
Но положимъ — дѣлать нечево:
Въ непогоду — не до плаванья;
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...
. . . .

Куда глянешь — всюду наша степь,
На горахъ лѣса, сады, дома:
На днѣ моря груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

Но вотъ что̀ замѣчательно: трудно найти поэта, котораго стремленія бы ли бы въ одно время такъ же сильны и такъ же безплодны, какъ стремленія Кольцова. Читая его, вы убѣждаетесь въ ихъ неподдѣльности, въ ихъ несомнѣнной реальности; но нѣтъ у него ни одной пьесы, гдѣ бы онъ высказалъ ярко и опредѣленно тотъ идеалъ жизни, къ которому постоянно и неуклонно рвалась страстная душа его. Видно, что онъ самъ никогда не могъ дать въ этомъ себѣ столь яснаго отчета, чтобъ могъ передать его точными и живописно вѣрными словами. Поэтому, ясный и точный во всемъ остальномъ, онъ дѣлается загадочнымъ всякій разъ, когда доводитъ рѣчь до предмета своихъ порывовъ. Вы чувствуете, что стремленіе его исполнено жизни и могущества; но напрасно стали бы вы искать въ его стихахъ изображенія того міра, который самому ему являлся полнымъ неуловимой тайны...

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.
Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.
Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.
Много есть у меня
Для пировъ серебра,
Для бесѣдъ красныхъ словъ,
Для веселья вина!
Но я знаю на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Стихотвореніе это можетъ служить доказательствомъ сказаннаго и совершеннымъ образцомъ того, какъ уклонялся Кольцовъ отъ описанія того, что̀ онъ только предчувствовалъ и предугадывалъ. Не будь онъ истиннымъ художникомъ, мы непремѣнно прочли бы у него множество звучныхъ стиховъ, составленныхъ изъ романтическихъ погремушекъ, стиховъ, въ которыхъ объяснялось бы намъ, что онъ, поэтъ

Роскошный міръ мечтой себѣ построилъ,
Невзысканный бездушною толпой,
Гдѣ сердце онъ отъ горя успокоилъ,
Руководимъ фантазіей живой,
Гдѣ все полно любви и сладострастья,
Гдѣ сладкимъ сномъ душа упоена,
Гдѣ нѣтъ ни бурь, ни злобы, ни несчастья,

однимъ словомъ, гдѣ происходятъ такія чудеса, какихъ намъ грѣшнымъ и во снѣ не видать. Кольцовъ, какъ художникъ, не имѣвшій чести принадлежать къ блестящему сонму романтическихъ поэтовъ, не смѣлъ и браться за разсказы о томъ, чего не сознавалъ ясно. Но спрашивается: гдѣ же причина этой неясности сознанія, или, лучше сказать, гдѣ причина того, что всѣ его порывы остались порывами

и никогда не переходили даже въ стремленіе къ опредѣленной, правильно очерченной цѣли? Разгадать это явленіе очень легко: стоитъ только ознакомиться съ его біографіей. Даже изъ немногихъ чертъ, приведенныхъ выше, нельзя не догадаться, что Кольцовъ всю жизнь свою былъ жертвою великой внутренней драмы, которая постоянно терзала его дѣятельную душу и поддерживалась въ своемъ горестномъ характерѣ убійственною несоразмѣрностью великихъ потребностей и силъ, данныхъ природой, съ ничтожною суммой *свѣдѣній*, пріобрѣтаемыхъ исключительно путемъ эрудиціи. Чтобъ понять всю сокрушительность этой драмы, надо войти въ положеніе истиннаго таланта, томимаго жаждой исхода и обреченнаго тѣмъ, что̀ называется *судьбою*, на томленіе почти безвыходное. Человѣкъ съ силами Кольцова не можетъ не терзаться безплодностью своей мысли; праздное созерцаніе брамина ему невыносимо; демонъ творчества раскаленнымъ желѣзомъ побуждаетъ его сказать свое слово обо всемъ, что̀ тревожитъ любознательность, и сказать это слово такъ громко, такъ торжественно ясно, чтобъ услыхали и поняли его люди, чтобъ разлилось оно въ народныхъ массахъ потоками новыхъ плодотворныхъ словѣ и перешло въ жизнь человѣческихъ обществъ. Въ этомъ непреодолимомъ стремленіи и выражается соціальность человѣческой натуры. Но какъ увеличитъ сумму убѣжденій общества такой человѣкъ, который незнакомъ былъ и съ тѣмъ, что̀ оно рѣшило? Чтобы содѣйствовать умственному прогрессу общества, надо прежде всего стать съ нимъ вровень: иначе нечего будетъ ни отрицать ни утверждать на пользу его. А все сдѣланное Кольцовымъ для пріобрѣтенія обиходнаго образованія было недостаточно и для того, чтобъ сравняться съ людьми, также самыми обиходными, но обученными *разнымъ предметамъ*, съ людьми, которые самою натурой обезпечены отъ ощущенія несоразмѣрности нравственныхъ потребностей со степенью ихъ удовлетворенія, съ людьми, которые тогда только и чувствуютъ побужденіе сказать свое слово, когда за картами или за обѣдомъ зайдетъ рѣчь о прелестяхъ сытнаго мѣста или о преимуществахъ такого-то ресторана.

„Думы“ Кольцова служатъ печальнымъ образчикомъ того, къ какимъ жалкимъ путямъ прибѣгаетъ человѣкъ, тревожимый великими вопросами и незнакомый съ тѣмъ, какъ рѣшало ихъ человѣчество, и до чего дошло оно въ вѣчномъ процессѣ своей дѣятельной мысли. Отвѣты, которыми онъ хотѣлъ унять свою любознательность, конечно, были бы ниже критики, еслибъ они сдѣланы были человѣкомъ, поставленнымъ въ возможность продолжать трудъ, понесенный вѣками. Но какъ произведенія ума, почти что изолированнаго отъ минувшей и современной мудрости, они въ высшей степени замѣчательны и много говорятъ въ пользу личности нашего поэта. Во-первыхъ, они доказываютъ, что онъ не могъ жить съ не разрѣшенными вопросами въ умѣ: онъ обманывалъ самого себя, чтобъ какъ-нибудь, во что бы ни стало, добыть себѣ хоть призракъ отвѣта на задачи, отъ которыхъ изнывалъ и таялъ. Не доказываетъ ли этой непомѣрной исполинской силы его

потребностей, силы, которая, по логикѣ природы, всегда сопровождается въ человѣкѣ такою же силою творчества? Не природу надо обвинять въ томъ, что часто эта вторая сила глохнетъ въ безплодномъ томленіи... Направленіе „Думъ“ Кольцова — мистицизмъ, отчаянное отрицаніе разума. Но можно ли допустить, чтобъ мистицизмъ его былъ выраженіемъ его искреннихъ убѣжденій? Можно ли повѣрить, чтобъ человѣкъ, переполненный любовью къ жизни до такой степени силы и фанатизма, какъ Кольцовъ, былъ мистикомъ въ душѣ, чтобъ онъ отрекся отъ разума, отъ того, что даетъ жизни смыслъ и значеніе? Нѣтъ, допустить этотъ фактъ — то же, что признать непосредственное происхожденіе безсилія отъ силы. Но кромѣ этого апріорическаго соображенія, мы имѣемъ и фактическое доказательство того, что Кольцовъ прибѣгалъ къ мистицизму, какъ человѣкъ, измученный внѣшнею невозможностью рѣшить сокрушавшіе его вопросы обыкновеннымъ путемъ логики. Доказательство это заключается въ думѣ „Не время ль намъ оставить?“, „виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ разсудка“. Выписываемъ это стихотвореніе, какъ лучшій аргументъ:

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть, иль нѣтъ — желать?
Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!
Но отъ души ль, порою,
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить!...

Темна, страшна могила;
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!
А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ.
И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой.

И такъ „Думы“ Кольцова, несмотря на отсутствіе въ нихъ безусловныхъ достоинствъ, должны ставить его высоко въ мнѣніи человѣка безпристрастнаго. Онѣ доказываютъ, во-первыхъ, исполинское развитіе нравственныхъ потребностей въ натурѣ поэта; во-вторыхъ, то, что его природный умъ, а главное, его жизненность не дали ему закоснѣть въ такомъ направленіи, въ которомъ погибали цѣлыя поколѣнія образованнѣйшихъ людей, и въ которомъ до сихъ поръ еще гибнутъ, если не поколѣнія, то, по крайней мѣрѣ, индивидуумы, просвѣщенные всякими науками.

Но какъ бы то ни было, все это говоритъ только въ пользу необыкновенной личности поэта, нисколько не опровергая того, что главнымъ источникомъ его нравственныхъ страданій былъ недостатокъ образованія. Величіе его способностей даже увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ эти страданія. Въ то же время недостатокъ образованія объясняетъ намъ, почему та часть его поэзіи, въ которой онъ не касается крестьянскаго быта, выражаетъ собою одни могучіе по-

рывы къ чему-то такому, чего онъ никогда не рѣшался раскрывать другимъ, потому что поэтъ говоритъ только навѣрное...

Итакъ, по нашему мнѣнію, все содержаніе поэзіи Кольцова выражается въ трехъ отдѣлахъ стихотвореній. Къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ выполнилъ онъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Во второмъ является чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполинскую личность, отличительная черта которой заключается въ всестороннемъ развитіи потребностей. Наконецъ, въ третій отдѣлъ входятъ „Думы", неудачныя попытки самоучки замѣнить истину, къ которой стремился, призраками, которые для самого его имѣли силу кратковременно дѣйствующаго дурмана. Но если вникнуть глубже въ это разнообразіе поэтическихъ мотивовъ, то всѣ они приводятся къ одной темѣ, которая есть жизненность въ высочайшемъ ея развитіи. По нашему мнѣнію, совершенно несправедливо смотрѣть на Кольцова, какъ на такого поэта, который, по натурѣ своей (не говоримъ, по развитію), былъ рожденъ для тѣснаго круга сельской поэзіи, и который, сверхъ того, могъ писать съ грѣхомъ пополамъ и въ другихъ родахъ. Неестественно, слишкомъ неестественно допустить такое предположеніе о человѣкѣ, который всю жизнь чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ сферѣ воспѣтаго имъ быта... А между тѣмъ, разумѣется, какъ художникъ, онъ долженъ былъ чаще всего обращаться къ тому самому быту, который тяготѣлъ надъ его личностью; онъ долженъ былъ это дѣлать потому, что не зналъ, а только угадывалъ другую сферу дѣйствительности...

Майковъ.

Русская женщина въ поэзіи Кольцова.

Онъ считаетъ себя недостойнымъ роли человѣка; онъ — парій въ собственныхъ глазахъ, парій по праву, такъ что самъ, наравнѣ съ другими, намѣренно небрежетъ своею особой и предаетъ ее поруганію добрыхъ людей:

Къ старикамъ на сходку
Выйти *приневолятъ:*
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь;
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Кто вздумалъ бы принимать рѣчи Лихача-Кудрявича за выраженіе собственнаго взгляда Кольцова, тому совѣтуемъ перечесть стихотворенія: „Товарищу". „Что ты спишь, мужичокъ" и „Пѣсню Пахаря". Этихъ трехъ пьесъ довольно, чтобы истолковать различіе между національностью, какъ способностью изображенія, и національностью, какъ чертою характера самого поэта, между силою и слабостью личности...

Легко сказать, какъ сказали мы нѣсколько выше: „не можемъ умолчать объ одномъ произведенiи Кольцова“. На самомъ дѣлѣ, для критики нѣтъ ничего труднѣе, какъ *умалчивать* о красотѣ и важности того или другого его произведенія, разсматриваемаго отдѣльно. На этотъ разъ, напримѣръ, мы опять не въ силахъ умолчать о той части его поэзіи, которая заключаетъ въ себѣ изображеніе русской женщины.

Русская женщина такъ полно и вѣрно опредѣлена въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Кольцова, что, прочитавъ ихъ, чувствуешь, какъ будто прочиталъ цѣлую удивительно художественную поэму.

Само собою разумѣется, что анализъ русской женщины долженъ открыть два элемента ея характера — руссицизмъ, т.-е. то, чтò въ ней есть исключительнаго, національнаго, и женственность, т.-е. то, чтò сохранила она человѣческаго, отраднаго. Вообще русскія женщины мало изслѣдованы съ своей свѣтлой стороны, можетъ быть — потому, чтò въ младенческомъ обществѣ именно этимъ-то сторонамъ и затруднены средства къ обширному проявленію, а можетъ быть — и потому, что это общество одобряетъ въ женщинѣ черты діаметрально противоположныя. Кромѣ Пушкина и Лермонтова, этого предмета касались Некрасовъ и Тургеневъ. Гоголь и его ближайшіе послѣдователи постоянно уклоняются отъ этой темы. Графъ Соллогубъ изображаетъ русскихъ женщинъ большого свѣта единственно со стороны ихъ *оригинальности*. Какъ бы то ни было, на этотъ разъ мы довольны малымъ, потому что это малое превосходно опредѣляетъ намъ основныя стихіи существа, называемаго *русскою* женщиной, именно — глубину чувства въ борьбѣ съ національною неподвижностью. И то и другое характеризуетъ русскаго человѣка вообще; но глубина есть свойство чисто человѣческое, пощаженное въ немъ внѣшними обстоятельствами, а неподвижность и неразлучное съ ней поклоненіе факту — свойство чисто русское.

Изображенія русскихъ женщинъ Кольцовымъ ничего не открываютъ новаго въ области анализа; но онѣ въ высшей степени замѣчательны, во-первыхъ, потому что въ эстетическомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ изображеніемъ Татьяны; во-вторыхъ, потому что въ русскихъ крестьянкахъ и мѣщанкахъ, которыя у него выводятся, чрезвычайно любопытно, *созерцать первообразъ* русскихъ барышень и барынь средняго и высшаго круга, утѣшаясь успѣхами современной цивилизаціи въ отечествѣ и припоминая, что до Петровой реформы не было между ними рѣшительно никакой разницы. Сравнимъ же Татьяну съ крестьянками Кольцова. Между ею и ими неизмѣримая бездна — дворянское происхожденіе, бальные уборы съ Кузнецкаго моста, французскіе романы, занесенные ходебщикомъ, романтическія идеи, почерпнутыя частью изъ этихъ романовъ, частью и изъ произведеній отечественнаго стихотворства, наиболѣе любезныхъ сердцу барышни, и въ заключеніе всего

Суровыхъ маменекъ уроки...

А между тѣмъ, странно, какъ это такъ выходитъ, что характеръ любви Татьяны и исторія ея страсти совершенно тѣ же, что̀ и у крестьянки Кольцова. Прежде всего поражаетъ насъ удивительная аналогія въ характерѣ самаго начала страсти у обѣихъ женщинъ. Любовь, какъ ощущеніе гармоніи, рождающейся между двумя живыми существами, двумя *оторванными струнами одной и той же лиры*, какъ говорятъ поэты, должна быть чувствомъ сладкимъ и живительнымъ: зарожденіе ея въ сердцѣ должно придавать особенную энергію всѣмъ жизненнымъ силамъ существа. Вмѣсто того и Пушкинъ, и Кольцовъ съ какою-то особенною грустью приступаютъ къ описанію перваго періода любви своихъ героинь: имъ жаль этихъ прекрасныхъ существъ, потому что первые симптомы любви русской женщины уже заключаютъ въ себѣ что-то зловѣщее:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнятая грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...

Нѣсколько выше Пушкинъ восклицаетъ:

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью...

Кольцовъ, въ свою очередь, не совѣтуетъ своей степной красавицѣ прислушиваться къ весеннимъ пѣснямъ птичекъ и заботливо предупреждаетъ ее отъ напасти:

Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь, съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра — дня!
Какъ разъ *бѣду* наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Любовь Кольцовъ называетъ прямо *тоской:*

Запала въ грудь *любовь-тоска,*
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ,
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря.

Француженки и нѣмки, не говоря уже объ италіанкахъ, всѣмъ существомъ своимъ празднуютъ чувство первой любви, вдохновляются имъ, какъ правомъ на наслажденіе. Отчего же русская женщина принимаетъ его съ какою-то болью, какъ печальную необходимость, какъ страшное условіе вынужденнаго контракта? Не оттого ли, что нѣтъ чувства болѣе свободнаго въ человѣкѣ, особенно въ женщинѣ? Зависимость отъ внѣшности можетъ проявляться во всемъ, кромѣ любви да геніальности. Каково же существу слабонервному, привыкшему съ пеленокъ къ механической подчиненности, вдругъ, безъ всякихъ переходовъ и приготовленій, почувствовать себя личностью, сознать свое до сихъ поръ никѣмъ не признанное *я,* очутиться на совер-

шенно незнакомомъ пути самодѣятельности? Нѣтъ ничего мудренаго, что первая любовь русской женщины всѣхъ состояній часто сопровождается потоками слезъ и нервическими припадками.

Зато какъ и глубока эта страсть, вскормленная

...слезами и тоской!

Она глубока, какъ всякое чувство русскаго человѣка, существа, привыкшаго Богъ знаетъ почему сосредоточивать въ глубинѣ сердца всѣ свои ощущенія и тѣмъ самымъ вынашивать ихъ въ нѣдрахъ своей жизненности до тѣхъ поръ, пока плодъ вполнѣ созрѣетъ и сокъ его начнетъ выступать легкими пятнами изъ-подъ оболочки. Вы знаете, какъ глубоко любила Татьяна, и какъ ничтожны передъ ея любовью прославленныя страсти италіанокъ и испанокъ, гораздо болѣе напоминающія собою кое-какіе параграфы изъ натуральныхъ исторій не для дамъ, чѣмъ тѣ романы и поэмы, въ которыхъ описываются онѣ такъ восторженно и увлекательно! Но немного найдете въ поэзіи произведеній, въ которыхъ сила страсти была бы выражена такъ художественно вѣрно и съ такою энергіей, какъ въ пѣснѣ Кольцова: „Я любила его“.

Вотъ какова страсть русскихъ женщинъ! Не даромъ изумленный Вирей сказалъ про нихъ: „Sous leurs chaudes pelisses elles couvrent des passions violentes“.

Но вотъ что̀ изумительно: какъ согласить эту страстность съ способностью жертвовать страстью, съ щепетильною покорностью всему, что̀ назвали мы силой внѣшности? Трудно представить себѣ такую способность къ самоистязанію и такую терпимость, какими на каждомъ шагу поражаютъ насъ русскія женщины. Характеръ Татьяны въ этомъ отношеніи справедливо признанъ типическимъ. Женщины Кольцова всѣ созданы изъ того же элемента. Это существа глубоко страстныя, глубоко нѣжныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ существа безъ малѣйшей претензіи на самостоятельность, существа страдательныя и даже гордящіяся своею страдательностью. Вотъ красную дѣвицу

Силой выдали
За немилова,
Мужа старова.

Она горько жалуется на судьбу, но оканчиваетъ свою жалобу словами разочарованія вполнѣ безвыходнаго:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Другую покидаетъ любовникъ. На коварныя слова его она отвѣчаетъ:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сѐржуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

Ни отчаянія ни борьбы! Одно уныніе и покорность, доходящія до безплоднаго резонерства:

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротили.
Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили
За стекломъ отъ солнышка,
Красоту лелѣяли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?
Говорятъ родимые:
„Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь,
Да горчѣе придется!“
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать,
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

Согласить глубокую страстность русской женщины съ ея фанатическимъ поклоненіемъ дѣйствительности значитъ — объяснить тайну самаго процесса модификаціи человѣческаго типа въ національный характеръ. Но такой задачи не можетъ исполнить человѣческая наука, и потому мы, съ своей стороны, ограничиваемся простымъ указаніемъ на фактъ. Замѣтимъ только, что этотъ фактъ гораздо обширнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Обыкновенно у насъ удивляются покорности женщинъ только тогда, когда онѣ переносятъ безропотно какія-нибудь вопіющія жестокости своихъ грубыхъ властелиновъ. Но въ этомъ ли одномъ выражается ихъ благоговѣніе къ дѣйствительности? Само собою разумѣется, что жестокое обращеніе съ женщиной, съ успѣхами образованности, дѣлается у насъ, какъ и вездѣ, гнуснымъ исключеніемъ. Но спрашивается: измѣнился ли у насъ до-петровскій взглядъ на ея значеніе? Какъ смотрятъ на женъ своихъ мужья, которые славятся въ своемъ родствѣ и знакомствѣ примѣрными, нѣжными, преданными, и которыми сами жены не могутъ нахвалиться? Лучше всего этотъ взглядъ выражается въ томъ, чего требуютъ иногда *образованные* господа отъ женщины. „Нужно“, говорятъ они, — „чтобъ женщина, прежде всего, была мила, чтобъ въ ней все было легко, игриво, граціозно, чтобъ все въ ней *нравилось* — и наружность, и умъ, и чувство. Глубокаго ума въ женщинѣ я не жалую: это мужское дѣло. Энергія ей тоже вредитъ: она тоже дѣлаетъ женщину мужчиной“. На основаніи такого взгляда, возникла у насъ даже цѣлая теорія, проповѣдующая, что достоинства женщины должны быть діаметрально противоположны достоинствамъ мужчины. Люди, придерживающіеся отчасти метафизическаго направленія, основываютъ его на психологическомъ законѣ, по которому, какъ утверждаютъ они, намъ можетъ нравиться только то, что̀ противоположно намъ самимъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что если мужчина долженъ быть уменъ и силенъ, то женщина, наоборотъ, должна быть глупа и немощна. Но пусть бы такъ и думали наши мужчины: замѣчательно то, что русскія женщины совершенно подчиняются этому взгляду и даже скандализируются всѣмъ, что̀ съ тѣмъ несогласно. Такимъ образомъ, для женщины опредѣленъ у насъ, съ полнаго ея согласія, особенный

кругъ дѣятельности, въ которомъ глохнетъ безъ развитія большая часть ея человѣческихъ способностей, и горе той, которая рѣшится преступить заколдованный кругъ такъ называемыхъ *приличныхъ* занятій! Отъ суда женщинъ пострадаетъ она еще болѣе, чѣмъ отъ приговора мужчинъ. *Майковъ.*

Природа въ произведеніяхъ Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова мы находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, изъѣзженнаго поэтомъ во время его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицу: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ нижняго Поволжья до Югозападнаго края. Какъ въ пѣснѣ, время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно онъ любилъ останавливаться на степи. Въ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ и себя называетъ „дикаремъ-степнякою". Въ вѣкъ юности онъ жилъ въ степяхъ съ коровами. Въ глуши степей, отъ селъ далеко, онъ съ любовью созерцалъ и степныя травы: ковыль и перекати-поле и цвѣты въ травѣ, особенно весной, когда степь зеленая съ цвѣтами и съ птичками-пѣвуньями полна дыханьемъ чаръ, и осенью, когда особенно пріятно было обогрѣться на ночлегѣ у огней чумаковъ, слушать ихъ пѣсни, ѣсть кашу степняка; приходилось бывать Кольцову въ степи и зимой, когда метель закрывала путь снѣгомъ, когда разыгрывались на степи вьюги зимнія-крещенскія. Несмотря на однообразіе степей, Кольцовъ сильно любилъ ихъ, особенно въ весеннюю пору. Въ концѣ стихотворенія „Ночлегъ чумаковъ", находятся драгоцѣнныя подробности для характеристики Кольцова, какъ поэта:

Живалъ въ большихъ я городахъ,
Бывалъ на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ и тѣ... стремятся.
Узналъ, вздохнулъ... и для меня
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться,
Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить...
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно, не безъ вліянія пѣсенъ чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи:

Чья эта могила тиха, одинока!
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Изъ степи же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, что трава въ степи передъ осенью или какъ трава подкошенная. Я предполагаю хорошо извѣстнымъ всѣмъ „Косаря“ Кольцова. Если кто припомнитъ еще при этомъ навѣянное же степью стихотвореніе „Пора любви“, тотъ согласится, конечно, со мной, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей. Указать на выдающіяся мѣста у Кольцова въ этомъ отношеніи, значило бы выписать цѣликомъ эти чудныя пѣсни. Кромѣ степей, Кольцовъ любилъ останавливаться на лѣсахъ и поляхъ. Опять-таки я предполагаю всѣмъ извѣстно стихотвореніе Кольцова „Лѣсъ“, посвященное памяти Пушкина; но есть другое стихотвореніе Кольцова, подъ тѣмъ же названіемъ, въ которомъ онъ, подобно Тургеневу въ „Запискахъ охотника“, останавливается на дикой красѣ лѣса, съ вопросомъ о тайнѣ, сокрытой въ немъ. Эта тайна навѣваетъ мысль о смерти. Въ лѣсу же являются у Кольцова и лѣшіе и русалки въ поэтической картинкѣ „Домикъ лѣсника“; но чаще Кольцовъ соединяетъ съ лѣсами темными, дремучими удальцовъ-разбойниковъ. Однако, поля, какъ и степи, больше привлекали поэтическія думы Кольцова, чѣмъ лѣса. Одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы человѣческою жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ садовъ, среди пашенъ и высокой ржи, по которой вѣтерокъ плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ, — поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахарей, то молодую жницу; онъ любитъ мирныя думы сельскихъ людей, ихъ тяжелые труды, ихъ отдыхъ и пирушки. Какъ въ природѣ поэтъ видитъ то ясную погоду съ тишиной, то тучи съ страшной грозой, такъ и въ народныхъ характерахъ онъ созерцаетъ то мирныхъ труженниковъ, иногда съ грустнымъ выносливымъ чувствомъ, то удалыхъ молодцевъ, которые, подъ вліяніемъ роковой страсти, мстятъ страшно и безповоротно. Кольцовъ и въ жизни хорошо зналъ и понималъ такихъ молодцевъ. Разсказываютъ, что въ степи раздраженный работникъ собирался убить поэта; но послѣдній лаской и угощеніемъ сумѣлъ отвести отъ себя руку убійцы. Впрочемъ, удальцы Кольцова чаще становятся несчастными отъ злой судьбы, а страсть ихъ выражается въ порывѣ и въ сознаніи иногда полной недостижимости задушевныхъ желаній. Итакъ, личный элементъ въ поэзіи Кольцова соединялся съ образами, воззрѣніями и вообще съ жизнью въ широкомъ смыслѣ русскаго народа, преимущественно крестьянства.

Владимировъ.

Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ и современникамъ.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII вѣка. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подраженіе французской ложноклассической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся въ этой поэзіи въ идилліяхъ и буколикахъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная, не только въ пѣсенникахъ, но и комическихъ операхъ. Однако, въ XVIII вѣкѣ и даже въ началѣ XIX въ русской литературѣ отличали и пѣсни нѣжныя, свѣтскія отъ простонародныхъ. Эти нѣжныя пѣсни явились подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія. И тѣ и другія не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣсней, но распѣвались образованнымъ обществомъ вмѣстѣ съ романсами. Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ, Дельвигъ и Цыгановъ сблизили искусственную пѣсню съ русскою народною пѣсней, но такъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ, большею частью, мы встрѣчаемъ заимствованія изъ народныхъ пѣсенъ то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій; у Цыганова встрѣчаются даже народныя пѣсни, переправленныя въ языкѣ и въ тонѣ. Дельвигъ имѣлъ особенное вліяніе на Кольцова, но не только пѣснями, а вообще всей своей поэзіей. Иногда у Дельвига можно найти искусственные мотивы, которые переродились у Кольцова въ народные. Вотъ, напр., слѣдующій „Хата“ Дельвига:

Мѣсяцъ свѣти — не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.
Скрой меня, бурная ночь! заметай слѣды мои, вьюга,
Вѣтеръ холодный бушуй вкругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова:

Мѣсяцъ будь, иль не будь —
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый впотьмахъ
Съ ней его не собьетъ.

И до ночи метель
Снѣгомъ путь весь закрой,
Безъ дороги, чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой...

Кольцовъ, какъ и всякій талантливый писатель, бралъ свои нѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ. Какъ часто при этомъ замѣчается, сильный талантъ беретъ чаще эти сюжеты изъ сочиненій слабыхъ писателей, чтобы представить ихъ въ лучшей формѣ, въ полномъ развитіи. И въ поэзіи Кольцова можно найти нѣкоторое отношеніе къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ-самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 31 гг. пользовалась особенной извѣстностью сельская поэма Слѣпушкина, подъ названіемъ „Четыре времени года русскаго поселянина“. Поэма была написана, по совѣту и указаніямъ ученыхъ друзей

Слѣпушкина, въ родѣ „Четырехъ временъ года“ Томсона, Попе и др., но содержаніе ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ поселянъ. Эта сельская поэзія Слѣпушкина, при всѣхъ ея недостаткахъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ „Урожая“, „Косаря“, и особенно „Крестьянской пирушки“.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы Слѣпушкина въ соотвѣтствіи съ „Крестьянской пирушкой“ Кольцова:

Гостей старинушка ведетъ,
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,
И всѣхъ честитъ ихъ, угощаетъ.
И сынъ привѣтливъ молодой,
Ихъ проситъ пивомъ жатвы новой;
Вотъ старики заговорили:
Кто сколько хлѣба съ поля снялъ,
И много ль сѣна накосили?

Точно также и въ описаніи весенней грозы, послѣ которой:

Испили класы золотые,
Озимый потучнѣлъ загонъ,
И вотъ посѣвы яровые
Отъ влаги зрѣютъ и растутъ.
И земледѣльцы счастья ждутъ,—

можно видѣть слабый намекъ на „Урожай“. Эти стихотворенія Слѣпушкина, въ которыхъ на каждомъ шагу проглядываетъ сладенькая идиллія, съ поддѣлкой не столько подъ народный языкъ и воззрѣнія, сколько съ поддѣлкой подъ складъ художественныхъ идиллій Гнѣдича, Дельвига, и др., было расхвалены въ 1830 г. въ литературной газетѣ Дельвига за „правду описаній, которыя знакомы пѣвцу-поселянину не по слуху“. Дельвигъ становитъ за это Слѣпушкина выше многихъ второстепенныхъ русскихъ стихотворцевъ, подражателей Пушкина и Баратынскаго. Но съ кѣмъ бы онъ долженъ былъ сопоставить Кольцова, если бы могъ сравнить его описанія съ соотвѣтствующими описаніями Слѣпушкина?

Какъ не ставятъ высоко поэзію Кольцова, но обыкновенно разсматриваютъ ее внѣ вліянія европейской иностранной литературы.

Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 1837 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борнсомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ, Беранже, хотя бы, напр., въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ произрастанію хлѣба, къ цвѣтамъ, къ животнымъ и проч. Сюда бы можно присоединить и нѣмецкаго поэта Гебеля. Если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставлены съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть и извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Говорятъ, что Кольцовъ стоитъ одиноко въ русской литературѣ, и сравниваютъ его въ этомъ отношеніи съ Крыловымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Вліяніе поэзіи Кольцова живо чувствуется у Некрасова, у Никитина и отражается вообще въ русской литературѣ

съ сороковыхъ годовъ. Но, дѣйствительно, и до сихъ поръ поэзія Кольцова сохраняетъ свою особенную прелесть и къ ней приложимо собственное же опредѣленіе поэта:

У тебя ль была...
Рѣчь высокая,
Сила гордая...
Заливная пѣснь
Соловьиная...

Владимировъ.

Кольцовъ и народная лирика.

Народныя пѣсни раскрываютъ намъ добрую и дурную сторону народной жизни, объясняютъ многое, чего не узнаешь изъ сухого разсказа о событіяхъ. Въ нихъ высказывается высокое самоотверженіе сердца и неодолимая сила воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ печальныя картины семейнаго разлада и общественнаго неустройства: рядомъ съ прекраснымъ типомъ доброй, любящей дѣвушки передъ вами непривлекательный образъ злой, лихой свекрови; молодецкая удаль нерѣдко выражается въ горькомъ горѣ, въ разбоѣ и хмелинушкѣ. Народная пѣснь есть выстраданное вѣками чувство былого и настоящаго — быль, которая выросла вмѣстѣ съ народомъ, и отчего она сложилась такъ, а не иначе, должна объяснить вамъ исторія; образованіе, государственное устройство, разныя событія — все это имѣетъ вліяніе на жизнь народа и народность, какъ кровь, которая обращается въ жилахъ, принимаетъ въ себя и здоровье и болѣзнь изъ воздуха, которымъ человѣкъ дышитъ.

Кольцова называютъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ сумѣлъ въ своихъ пѣсняхъ ярко выставить многія черты русской народности. Наше дѣло показать, насколько сближается онъ съ народомъ, какія стороны русской жизни онъ изображаетъ, что новаго онъ внесъ въ народную пѣснь, какъ поэтъ художественный, воспитанный по произведеніямъ Жуковскаго и Пушкина? Любопытно видѣть, какъ въ народныхъ пѣсняхъ мы находимъ всѣ темы стихотвореній Кольцова: горемычная любовь дѣвушки, любовь-тоска молодца, удальство съ его презрѣніемъ къ долѣ и самая горькая доля. Но всѣ эти темы во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокоивающій идеалъ мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно рисуется вамъ посреди зловѣщихъ образовъ молодецкаго разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, которая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Но при самомъ разборѣ пѣсенъ мы яснѣе покажемъ, какъ эти, такъ и другія различія. Мы на этотъ разъ разсмотримъ только пѣсни, относящіяся къ семейному быту.

Въ народныхъ пѣсняхъ, изображающихъ любовь дѣвушки, — преобладаетъ грустный тонъ элегіи[1]). Вотъ покинутая дѣвушка думаетъ

[1]) Въ собр. Сахарова, семейныя пѣсни №№ 1, 2, 3, 12, 16, 17, 25, 29, 35, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 51.

слить себѣ крылышки да летѣть на чужой городъ, чтобы кликать кличъ: кто научитъ ее забыть милаго друга? Вотъ повѣряетъ она свое горе дубровѣ: ея судьбу пѣсня сравниваетъ съ судьбою горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтокъ. Иногда гадаетъ она, свивая вѣнокъ изъ грушицы и бросаетъ его въ рѣку; но вѣнокъ тонетъ: знать-то дружокъ нашелъ другую повѣжливѣе да попривѣтливѣе. Въ горѣ одинъ ей отвѣтъ:

Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами.

Безъ милаго завялъ ея прекрасный садикъ, и соловей, что пѣлъ въ немъ, улетѣлъ; красное солнце рано закатилось за лѣсъ. Тутъ особенно трогательно кроткое чувство, съ которымъ добрая дѣвушка обращается къ другу:

Коли лучше меня найдешь — позабудешь,
Коли хуже меня найдешь — вспомянешь.

Въ этомъ и Кольцовъ вѣренъ народному духу; и у него дѣвушка даритъ кроткимъ словомъ на прощаньи:

Ну, Господь съ тобою, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься...

Въ другой пѣснѣ, гдѣ женщина задумывается и плачетъ надъ своимъ серпомъ по одному горькому предчувствію, грусть ея выражена, между прочимъ, слѣдующими стихами:

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ не къ радости,
Плакать хочется.

Въ народной поэзіи, въ противоположность этому, высказывается болѣе реальное горе:

Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

Пѣсня: „Разступитесь, лѣса темные“ особенно замѣчательна по своему народному мотиву:

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлаго —
Искать стану друга милаго.

Этотъ образъ напоминаетъ слова народной пѣсни:

Я слила бы себѣ крылышки,
Полетѣла бъ на иной городъ
Что искать себѣ друга милаго.

Лучшая изъ пѣсенъ Кольцова на ту же тему безъ сомнѣнія: „Кольцо“. Тутъ поэтъ прекрасно воспользовался народнымъ обычаемъ гадать по кольцу, чтобы выразить задушевную тоску дѣвушки:

Я затеплю, свѣчу
Воску яраго,
Растоплю кольцо
Друга милаго.

Въ соотвѣтствіе этому въ народной пѣснѣ поется:

Я не жгла бы свѣчи воску яраго,
Не ждала бы друга милаго,
Не топила бъ красна золота
Не лила бы золота кольца.

Судя по другому народному стихотворенію, потеря дорогого кольца служитъ печальнымъ предвѣстіемъ дѣвушкѣ: видно быть ей не за милымъ, когда привидѣлся сонъ, что распаялся золотой перстень и выкатился дорогой камень... расплетутъ ея русую косу — и она обращается къ буйнымъ вѣтрамъ, чтобъ отнесли къ другу печальную вѣсточку. Согласно словамъ Кольцова: „Любовь — огонь, съ огня — пожаръ“, и народная пѣснь говоритъ:

Ты гораздъ, душа, огонь высѣкать,
Часто искры сыплются,
Скоро трутъ загорается.

Такъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Кольцовъ близокъ не только духомъ, но и самыми выраженіями къ народной лирикѣ, и при всемъ томъ его произведенія не какой-нибудь наборъ простонародныхъ словъ, а живыя созданія, гдѣ природа, сохраняя всю свою первобытную простоту, преобразуется нерѣдко въ лучшіе типы.

Но вообще говоря, у нашего поэта далеко нѣтъ того разнообразія, съ какимъ высказывается чувство женщины въ народной лирикѣ. Пылкое самоотверженіе составляетъ главный его характеръ. Другія его свойства (исключая, такъ называемыхъ, разгульныхъ пѣсенъ, имѣющихъ предметомъ, большею частью, грубую сатиру): нѣжность, скромность, грація. Вотъ, батюшка запираетъ дѣвицу въ темницу, а она проситъ сдѣлать три окошечка: одно въ чистое поле, другое — въ садъ зеленый, третье — къ синю морю. Въ чистомъ полѣ ничего не видно, въ саду жалобненько распѣваютъ пташки, а по морю плыветъ корабликъ, на которомъ сидитъ ея другъ, и она машетъ платкомъ и „ручушкой“ на прощаніе[1]). Скромность чувства мы встрѣчаемъ и при описаніи свиданій: кто кого любитъ, садится противъ друга на дубовой скамеечкѣ, тяжелехонько вздыхаетъ, про кручинушку не скажетъ. Мы видимъ, что простодушная грація любви доступна и простому народу. И дѣйствительно, несправедливо было бы сказать, что, вслѣдствіе страшной порчи, накопившейся съ вѣками, совсѣмъ утратилась въ немъ первобытная простота поэзіи. Всего неожиданнѣе встрѣчаемъ мы здѣсь ту глубокую нѣжность, которая, казалось бы, должна принадлежать человѣку съ нѣсколько высшимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно хороша пьеса, гдѣ дѣвушка сравнивается „съ тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, ни усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ“.

Какъ не ласточка къ ней съ вѣстью прилетѣла,
Не радостную касаточка приносила,
Что лежитъ моя надежа труденъ-боленъ.

---

[1]) Сахаровъ, „Удалыя пѣсни“, 20.

Въ тоскѣ своей она молится Богу о здоровьѣ друга и мечтаетъ какъ бы сплетала ему вѣнки и говорила:

Не разлучимся мы, надежа, до смерти,
Мы простимся съ бѣлымъ свѣтомъ навѣки.
Какъ останутся такія про насъ вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

Эта вѣрность, высказанная здѣсь нѣсколько идеально, составляетъ предметы лучшихъ пѣсенъ нашей народной лирики. Женщина здѣсь способна не только страдать и покоряться, но и сильнымъ протестомъ высказать свое страданье. Изнемогая въ этой борьбѣ твердой воли души съ упрямымъ насиліемъ, она призываетъ смерть, какъ послѣднее убѣжище. Самая рѣчь становится здѣсь выразительнѣе, изображая то страстный порывъ тоскующей души, то мрачную глубину отчаянія, но тамъ, гдѣ тоска выше словъ, которыми можно ее выразить, поэзія переходитъ въ юморъ.

Вотъ младъ ясенъ соколъ ушибъ, убилъ сизаго голубя.

Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.

Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ
По голубчикѣ мохноногенькомъ.

Говоря объ этой силѣ выраженія, мы должны припомнить прекрасное стихотвореніе Кольцова, подъ названіемъ „Разлука“ (стран. 137). Особенно его окончаніе поражаетъ полнотою вылившагося прямо изъ души чувства: „Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло, бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, и проч.“ Но отложивъ въ сторону художественное развитіе образа, мы не можемъ не замѣтить, что и характеръ чувства у Кольцова совсѣмъ измѣняется. Сравнивши съ этой пьесой народные стихи: „Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ“, которые также описываютъ прощаніе, мы поймемъ разницу между тѣмъ и другимъ настроеніемъ. Тогда какъ мечта любви, ея радостная, поэтическая сторона придаютъ у Кольцова какой-то свѣтлый тонъ самой картинѣ отчаянія, въ народной лирикѣ вы видите жизнь, подавленную тяжелымъ гнетомъ дѣйствительности, вамъ чудится саркастическая улыбка надъ разрытою могилой:

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго;
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Та же мрачная мысль высказана и въ пьесѣ: „Туманно красно солнышко, туманно“ „тогда я разлюблю друга“, говоритъ дѣвица, „какъ засыплются глаза мои песками, закроются бѣлы груди досками“; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ той безнадежной шутки, что только смертью можно изъявить покорность волѣ родительской; здѣсь видна и готовность дѣйствовать въ защиту правъ своего сердца. Эта дѣя-

тельная любовь служитъ содержаніемъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ пѣсенъ. Такъ въ пьесѣ: „Ты воспой, воспой, младъ жаворонечекъ“ [1]), разсказано, какъ добрый молодецъ, сидя въ темницѣ, пишетъ грамотку къ отцу къ матери, и поручаетъ жаворонку отнести его письмо, въ которомъ онъ молитъ родителей выкупить своего сына; но отецъ, мать и весь родъ-племя отъ него отрекаются: только красная дѣвица, получивъ грамотку, воскликнула въ сердечной тревогѣ:

Ахъ вы нянюшки, мои матушки,
Мои сѣнныя, вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорѣе кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте скорѣй добра молодца.

Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ, женщина иногда является и грозной мстительницей за оскорбленное чувство. Какъ ни рѣдки подобные случаи, пѣснь „Хорошо тому на свѣтѣ жить“ свидѣтельствуетъ, что любовь у нашего народа способна къ этому мрачному трагизму.

Изъ предыдущаго разбора видно, какую полноту въ развитіи женскаго чувства представляетъ намъ народная лирика. Мы видѣли также, что Кольцовъ коснулся не многихъ сторонъ этой богатой жизни; но мы еще ничего не говорили о двухъ совершеннѣйшихъ его стихотвореніяхъ на разобранную нами тему: „Пора любви“ и „Молодая жница“. Мы не упоминали о нихъ потому, что, несмотря на ихъ вполнѣ народный складъ, этими стихотвореніями Кольцовъ всего болѣе удаляется отъ характера народной лирики, или, лучше сказать, въ нихъ та же народность, но уже обновленная идеаломъ своего поэта.

Главнѣйшая разница состоитъ въ томъ, что Кольцовъ рисуетъ намъ внутреннюю психологическую сторону чувства, его таинственное нарожденіе въ душѣ, между тѣмъ какъ народная лирика имѣетъ дѣло только съ событіемъ, изображаетъ, преимущественно, внѣшнюю сторону факта. Народъ не имѣетъ обычая долго вдумываться въ свою мысль, слѣдить за всѣми ея измѣненіями въ душѣ: для него пѣснь — быль въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ создаетъ вѣчный мемуаръ своей жизни, путевыя замѣтки, на которыхъ виденъ свѣжій слѣдъ испытаннаго; но не ищите художественнаго анализа впечатлѣній. Фактъ, взятый живьемъ, тѣмъ не менѣе говоритъ за себя, тѣмъ не менѣе ясно глядитъ идея, его озаряющая; но никогда идея эта не возносится надъ фактомъ. Оттого полнѣйшая пластика составляетъ необходимое свойство народныхъ произведеній. Мы лучше объяснимъ это при разборѣ.

Описаніе чувства въ народныхъ пѣсняхъ почти ограничивается словами: „У душечки, красной дѣвушки, много въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки“. Послѣ синонимическихъ распространеній той же мысли сейчасъ слѣдуетъ разсказъ, напримѣръ, о томъ, какъ дѣвица черпаетъ воду у ключика и вдругъ, поставивши ведерцы призадумалась, да заплакала, что нѣтъ у нея ни роду-племени ни друга.

Но народъ не мастеръ изображать таинственныя тревоги, не слышно возникающія въ душѣ; ему нуженъ многозначительный фактъ:

[1]) Сахаровъ, Пѣсни удалыя, № 13.

измѣна, смерть, муки ревности. Художественно изобразивъ въ двухъ своихъ пьесахъ психическую сторону любви, Кольцовъ сталъ на такую идеальную точку, до которой народъ никогда не возвышался.

Душно дѣвицѣ на полѣ, „горитъ гормо лицо бѣлое", голова клонится на грудь, колосъ изъ рукъ валится, она глядитъ въ сторону, забывается...

Охъ болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Зародилось въ немъ
Небывалое!

И когда молодецъ вздохнулъ, запѣлъ пѣсню грустную:

Глубоко, въ душѣ
Красной дѣвицы
Отзволась она
И запала въ ней.

Мы указываемъ главнѣйшія черты этого прекраснаго образа. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ что-нибудь противорѣчило духу народности; но ихъ утонченный выборъ и чистая прелесть цѣлаго художественнаго развитія уже напоминаютъ изящное творчество Пушкина. Припомнимъ хоть бы слѣдующее мѣсто изъ Онѣгина:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты.
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ.

У Кольцова нѣтъ такихъ словъ, какъ „недвижный, ланиты", вмѣсто „лѣнь ей ступить" находимъ черту, согласную съ положеніемъ деревенской дѣвушки: „Нѣтъ ей охоты жать колосистой ржи, колосъ срѣзанный изъ рукъ валится" вмѣсто „ланиты покрыты пламенемъ" читаемъ „горитъ гормо лицо бѣлое" и т. д. Бойкость и сила выраженій, тонъ удальства, разлитый въ цѣлой пьесѣ, принадлежитъ Кольцову, какъ поэту народному; но нельзя не замѣтить, что полнота и законченность рисунка и нѣжный его колоритъ, происходящій отъ гармоническаго соединенія красокъ, сближаетъ нашего поэта съ Пушкинымъ.

Еще болѣе удаляется Кольцовъ отъ народной лирики въ стихотвореніи „Пора любви". Мысль представить дѣйствіе весны на сердце человѣка уже сама по себѣ такъ утонченна, требуетъ такого глубокаго психическаго анализа, что ея художественное возсозданіе доступно только вполнѣ развитому чувству. Народъ, конечно, живетъ въ тѣсномъ сближеніи съ природою; всѣ ея вліянія глубоко въ немъ отражаются. Оттого и природа для него олицетворенна, принимаетъ участіе во всѣхъ тревогахъ его жизни, чему доказательствомъ можетъ служить почти всякая народная пѣсня. Глядитъ ли дѣвушка въ садъ изъ своей темницы: „Жалобнехонько въ саду пташки распѣвали".

Тоскуетъ ли она о своемъ неудачномъ супружествѣ:

Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи.

Можно сказать, что между всѣми явленіями природы и жизни народной проведена самая строгая параллель, и камни, растенія, звѣри существуетъ только для того, чтобы повторять собою жизнь человѣка:

природа является даже на первомъ планѣ, какъ владычица судьбы человѣка. Но, по привычкѣ, самаго этого сближенія, народъ не привыкъ представлять природу, какъ что-то отдѣльное, независимое отъ нашей свободной воли, не привыкъ повѣрять психологически ея дѣйствія надъ собою. У Кольцова же въ сближеніи съ природой мы замѣчаемъ это раздвоеніе. Не даромъ онъ былъ въ одно время поэтъ и философъ. Его философскія пьесы, которыя Бѣлинскій помѣстилъ отдѣльно подъ именемъ „Думъ", заключаютъ всегда одинъ вопросъ: какая цѣль бытія? зачѣмъ созданы міры? какое мѣсто посреди ихъ человѣку? Этихъ пьесъ нельзя однако при объясненіи творчества Кольцова разсматривать отдѣльно: въ нихъ есть тождественная связь съ другими его стихотвореніями. Религіозная мысль въ нихъ разлитая нерѣдко отзывается чѣмъ-то принужденнымъ, искусственнымъ; главный же мотивъ—сомнѣніе. Сомнѣніе, разрѣшающееся чисто религіознымъ успокоеніемъ, есть первая степень того развитія, на которую становится человѣкъ, высвобождаясь изъ своего природнаго патріархальнаго состоянія. Кольцовъ не видитъ смысла въ исторіи; онъ самъ говоритъ:

Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

Вполнѣ сближаясь своей религіозной вѣрою съ природою, онъ однако отдѣляется отъ ней тѣмъ, что смотритъ на природу и жизнь съ новой идеальной точки зрѣнія. Сомнѣніе возбуждаетъ въ немъ такіе вопросы, которые не могли приходить въ голову народу при его патріархальной вѣрѣ во все чудесное. Оттого и природа съ ея дѣйствіями представляется ему сама по себѣ, какъ предметъ анализа. Эту-то замѣчательную сторону въ Кольцовѣ намъ необходимо отмѣтить особенно при разборѣ стихотворенія: „Пора любви". Всего болѣе и надо удивляться въ этой пьесѣ тому, какъ Кольцовъ съ своимъ высшимъ взглядомъ на природу умѣлъ соединить первобытную вѣру въ ея вліяніе. Но и тутъ онъ остался вѣренъ только самъ себѣ, не переступивъ за рубежъ, на которомъ сталъ между вѣрою и знаніемъ. Можно сказать, что онъ уже не былъ народнымъ, поднявшись выше этой точки. Такъ въ прекрасномъ стихотвореніи: „Царство мысли" Кольцовъ является представителемъ новыхъ идей общественнаго развитія; но эти идеи Фауста уже слишкомъ отдѣляютъ его отъ массы, — единственный случай, гдѣ Кольцовъ, такъ сказать, превзошелъ самого себя.

Въ пьесѣ „Пора любви" мы покамѣстъ имѣемъ дѣло только съ двумя первыми строфами, какъ относящихся къ нашему настоящему предмету. Въ нихъ представлено волшебное вліяніе чудесныхъ пѣсенъ, которыхъ смысла не вѣдаетъ красавица. „Не слушай ихъ, красавица; какъ разъ бѣду наслушаешь" — такъ могучи весеннія пѣсни степныхъ птичекъ. Вы готовы вѣрить въ силу этого волшебства природы; но вы его понимаете, потому что степь „вся разубрана цвѣтами и полнымъ полна летучими птичками", потому что пѣсни ихъ чудесныя (двоякій смыслъ этого слова уже не принадлежитъ народу), и хотя чудесность

эту можно бы объяснить, но для красавицы въ чистотѣ ея дѣвственнаго чувства (сонъ дѣвичій и пр.) тѣ пѣсни волшебныя. Мы видимъ сколько тутъ есть данныхъ и для того, чтобы вѣдать смыслъ этихъ пѣсенъ и для того, чтобы вѣрить ихъ волшебству въ отношеніи красавицы. Послѣ этого вступительнаго объясненія, Кольцовъ уже могъ прямо перенестись въ народную среду, изображая „дыханіе горъ", которыми мгновенно овѣяна душа дѣвушки. Но и тутъ послѣ стиха „Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ" (срав. у Пушкина: „и въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ") картину, начерченную такою твердою мастерскою рукою, великолѣпно заканчиваетъ стихъ: „Смеркаетъ степь, горитъ заря"... Природа здѣсь опять является волшебною только въ смыслѣ волшебной красоты, чарующей душу. Чтобы понять всю силу этого послѣдняго стиха не довольно одной дѣтской вѣры въ чудесное, нуженъ и глубокій художественный тактъ, съ какимъ намъ становится ясною вся обстановка прекрасной картины. То же самое можно сказать о другихъ подробностяхъ. Народное представленіе о зельяхъ и кореньяхъ, о нашептываніи и прислушиваніи замѣнилось болѣе идеальными: „Дыханіемъ чаръ овѣяна"; вмѣсто „тяжелехонько вздыхаетъ", согласно съ идеей о чарахъ сказано: „нейдетъ съ души тяжелый вздохъ". Наконецъ стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.

вмѣстѣ съ невольнымъ обаяніемъ любви прямо выражаетъ и стыдливое сознаніе чувства, которое въ одной народной пѣснѣ обозначено простыми словами: „про кручинушку не скажетъ". И такъ вообще отличіе Кольцова состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Въ полномъ художественномъ развитіи образа.

2) Въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутренніе его мотивы.

3) Въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственнаго вліянія на человѣка. „То, что мы обыкновенно называемъ „сверхчувственнымъ" и происходитъ отъ того чувственнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ не различаетъ себя отъ природы. Конечная природа и не предъявляетъ намъ своего закона иначе, какъ черезъ чувства; но смѣшивая это чувство съ предметомъ, его произведшимъ, мы создаемъ тѣ символы, которыми такъ богатъ востокъ и вообще младенчество всякаго народа. Идеальный взглядъ начинается тамъ, гдѣ то же самое чувство восходитъ въ ясную раздѣлительную идею, разграничивающую внѣшнее постоянное отъ внутренняго, случайнаго, предметъ отъ его зыбкаго отраженія: тогда символъ измѣняется въ простую аллегорію. Измѣненіе это уже замѣтно и въ народныхъ пѣсняхъ; но, постоянство, неподвижность однихъ и тѣхъ же олицетвореній ясно указываетъ въ нихъ на первоначальный символизмъ. Такого свободнаго изображенія природы, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи Коль-

цова „Урожай“, гдѣ картина бури осмыслена идеей сельскаго труда, мы не находимъ въ пѣсняхъ. Сравненія, начинающіяся отрицаніемъ не: какъ не лебедь ходитъ бѣлая, ходитъ красна дѣвица душа — прямо свидѣтельствуютъ о попыткѣ народа внести начало анализа въ свои наблюденія надъ природой (или — что здѣсь все равно — надъ своими личными впечатлѣніями); но этотъ анализъ не простирается далѣе обыкновеннаго сравненія.

Мы переходимъ теперь къ народнымъ пѣснямъ, изображающимъ долю женщины въ ея супружескомъ состояніи. Замѣчательно, что у насъ судьба или рокъ, ни въ какомъ обстоятельствѣ жизни, ни въ какихъ столкновеніяхъ общественныхъ, не употребляется такъ часто и не играетъ такой важной роли, какъ въ супружествѣ. Судьба царствуетъ тамъ, гдѣ, кажется, болѣе всего прилично дать мѣсто свободному выбору. Въ семейныхъ узахъ она также „всесильна“; какъ въ смерти: „Суженаго конемъ не объѣдешь“ говоритъ пословица, согласно съ другимъ изреченіемъ: „Рокъ головы ищетъ“.

Это языческое понятіе о судьбѣ выросло у насъ съ вѣками вслѣдствіе семейнаго деспотизма, который намъ такъ ясно рисуютъ народныя пѣсни. Разсмотримъ это зло въ его корнѣ, въ народной жизни. Что необходимо было для старинной свадьбы? Женихъ пріѣдетъ самъ — семъ съ боярами, а восьмую возьметъ свашеньку, а девятую присватью (Свад. пѣсни № 22) и будетъ у него жена вѣковѣчная ключница, вѣковѣчная платьемойница. Дѣвушка всему выучена: и ткать, и прясть, и золотомъ шить по атласу, по бархату (Свад. пѣсни № 60). Завидная невѣста! Вотъ она одѣвается въ цвѣтное платье, умывается ключевой водой, бѣлится, румянится, сурмится и расплетаетъ, передъ зеркаломъ стоючи, свою русую косу (Свад. пѣсни № 8). Женихъ приноситъ на дѣвичникъ подарки — деликатное убранство: полтораста аршинъ лентъ, розовыхъ, алыхъ, померанцевыхъ, желтыхъ... стѣнное зеркальце, рѣзной гребень и вѣеръ, двое шелковыхъ чулковъ, черевички бархатныя, перчаточки шелковыя, корицы, гвоздики, мятнаго масла и двѣнадцать горшечковъ порошковъ румянъ (Свад. пѣсни № 115). Свадебка уже снаряжена: „девять печей хлѣба испечено, десятая печь тертыхъ калачей; девять четвертей пива наварено, десять четвертей зелена вина“ (Свад. пѣсни № 118). Послѣ того начинаются безконечные обряды, которыхъ главная цѣль, какъ будто, заглушить въ конецъ всякое дѣвственное чувство.

Что же думаетъ въ эту минуту дѣвушка? Зачѣмъ обманула она подружекъ, сказавши, что пойдетъ съ ними въ монастырь? На чтожъ прельстилась она: на орѣшки ль, аль на прянички? (Св. п. № 140). Нѣтъ! Запоручили ее родимый батюшка и матушка за поруки за крѣпкія, за замки вѣковѣчные (Св. п. № 19). Никогда не является столь трогательнымъ образъ женщины, какъ въ эту минуту. Мѣняя свою дѣвичью красоту на бабью (не даромъ это слово получило у народа значеніе чего-то грязнаго) она, какъ будто, чувствуетъ, что вмѣстѣ съ волею утратитъ и всю наивную красоту своего сердца. „Пой, мой

громкій соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити!“ говоритъ она. (Св. п. № 119.) Этихъ нѣжныхъ отношеній къ цвѣтамъ и соловью ужъ не ищите въ будущей грозной матери и свекрови. Оттого и тоска ея выражается сильною рѣчью.

Помрачило ретиво сердце.
Облегло тоской со кручиною! (Св. п. № 121).

Съ какою кротостью и любовью умоляетъ она родителей не отдавать ея въ невѣдомый домъ, на чужую сторону! Тутъ не одна только обрядная притворная горесть, потому что

Чужіе отецъ съ матерью
Безталантливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается (Св. п. № 18).

„Кинулся ты, мой батюшка“, говоритъ она, „на злато, на серебро! Кормилица, моя матушка — на цвѣтное платье! избываете вы своего слугу вѣрнаго, безотвѣтнаго (Св. п. № 83, 139, 174). Иногда въ тяжеломъ раздумьи спрашиваетъ она: „Государь мой, родной батюшка, не возможно ль того сдѣлати, меня, дѣвицу, не выдати“. Но батюшка при наибольшей кротости, сваливаетъ всю вину на сваху разлучницу. И такъ волей-неволей нужно ей итти на чужую сторонушку, а „чужая-то сторонушка горемъ вся изнасѣяна, слезами поливана, печалью огорожена (св. п. № 159). Простившись съ подружками, съ которыми ужъ ей „не ночевать темныхъ ночекъ и не говаривать тайныхъ рѣчей“ (св. п. № 126), забываетъ она также волю батюшкину, нѣгу матушкину, пріятство сестрицыно (Св. п. № 137). Она теперь раздумываетъ объ одномъ: „какъ быть да жить въ чужихъ людяхъ? какъ назвать свекра лютаго? Какъ величать свекровь лютую? (св. п. № 123). И вотъ ее учатъ: „Держи голову поклонную, а сердце покорное“ (св. п. № 75). Незавидна ея жизнь въ чужой семьѣ: свекоръ, свекровь, деверья, золовушки — всѣ къ ней неласковы, угрюмы, перешептываютъ, пересмѣиваютъ; молвитъ ли слово — начнутъ передразнивать, сядетъ ли за столъ — всѣ куски во рту сочтутъ, замолчитъ ли — назовутъ дурочкой (св. п. № 161 и 172). Такъ сѣрые гуси щиплютъ лебедь, зачѣмъ не умѣетъ по-гусиному кликати (св. п. № 122). А какой радости ждать ей отъ мужа? Извѣстно, что припѣваетъ любимая народная пѣсня молодымъ молодкамъ:

Первый разъ ударитъ, такъ семь рубцовъ,
Другой разъ ударитъ, такъ четырнадцать,
Третій разъ ударитъ, такъ двадцать одинъ (Разг. № 14).

Между тѣмъ лихая свекровь, „кривошлыка непривѣтливая, каблукомъ сѣни проламываетъ“, да учитъ сына своего, какъ невѣстушкѣ „съ головы до ногъ кожу спустить“, и рѣдко найдется такой добрякъ мужъ, что отвѣтитъ: „Не бѣда мнѣ уча жену свою, съ головы до пятъ кожу спустить, да вѣдь съ нею мнѣ вѣкъ будетъ изжить“. (Разг. п. № 18.) Какъ рѣдко встрѣтить сомнѣніе, можно ль жить съ женою, спустивъ съ нея кожу, также рѣдко случается и въ женѣ встрѣтить

какую-нибудь ласку къ мужу; называя свою ладу дуракомъ, она отважно говоритъ ему: „Хоть я сгину, воли не покину“ (Разг. п. № 13). Надо признаться, что при рабскихъ отношеніяхъ разныхъ членовъ семейства, и мужу приходится ни сколько не лучше. Благодаритъ ли онъ жену, что, бывши у попа въ гостяхъ, не забыла, пила за его здоровье, съ какимъ сарказмомъ отвѣтитъ она: „Какъ тебя забыть! Ты у меня, какъ бѣльмо на глазу! Какъ бы вѣра та была, продала бы я тебя“. (Разг. п. № 20.) Съ другой стороны, хотя бы красота и не досталась старому мужу, на бѣдной женщинѣ тѣмъ не менѣе тяготятъ всѣ язвы общественнаго неустройства. Ей приходится выражать подобныя жалобы на добраго молодца.

Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
Изъ кабака идешь, самъ валяешься. (Разг. п. № 6.)

Или, завивая кудри дороднаго супруга, гадаетъ она „про свое замужье бездѣльное“, пеняетъ на батюшку, что отдалъ „не въ согласную семью, непокрытую избу“ (Семейн. п. № 20).

Можетъ быть, многихъ поразитъ противоположность, въ какой является образъ женщины въ ея дѣвичьемъ быту, и ея характеръ, какъ матери, мачехи и свекрови. Еще мать сохраняетъ свои прекрасныя, женственныя черты: она плачетъ, какъ рѣка льется, объ убитомъ сынѣ; она не жалѣетъ денегъ, чтобъ выкупить его изъ темницы. Но и тутъ обычай, безпощадный обычай губитъ всякое свободное чувство: въ воспитаніи дѣтей господствуетъ одинъ страхъ; несчастная пословица свидѣтельствуетъ, что за битаго даютъ двухъ небитыхъ. Уже дѣвушкой, женщина является въ непріязненномъ отношеніи къ новой хозяйкѣ въ дому, къ женѣ своего брата, и какъ ей имѣть какое-нибудь уваженіе къ этой жертвѣ семейнаго деспотизма, къ проданной въ домъ работницѣ! Но ее ждетъ та же участь, и тѣмъ ненавистнѣе ей новая родственница; она знаетъ, что ей самой нужно будетъ держать голову поклонную, и требуетъ отъ другихъ того же. Наступитъ свадьба — утомительный обрядъ, въ которомъ продажныя свахи восхваляютъ ея долю: тутъ все ложь и лицемѣріе, и характеръ насилія тѣмъ ненавистнѣе, что они облекается въ праздничныя формы торжества, что даже искренніе слезы подчинены мертвымъ правиламъ обряда. Согласимся, что при этомъ переворотѣ въ жизни, отрывающемъ женщину отъ родной семьи и не дающемъ ей ничего въ защиту прежняго, сколько-нибудь сноснаго, положенія, уже должна заглохнуть душа, а послѣ нѣсколькихъ годовъ угнетенія и бабья красота высказывается въ полномъ цвѣтѣ. Какъ ни ограничены права дѣвушки, она можетъ еще мечтать о миломъ, она не испытала еще на себѣ всей гнусности семейныхъ дрязгъ; послѣ свадьбы ей предстоитъ печальная борьба, изъ которой выноситъ она только ненависть въ загрубѣломъ сердцѣ. На комъ же вымещать эту ненависть, какъ не на дѣтяхъ и на будущей невѣстушкѣ?

Горемычная доля женщины въ супружеской жизни изображена у Кольцова только въ двухъ стихотвореніяхъ, да и то въ общихъ чертахъ, рисующихъ одно чувство безъ отношенія къ опредѣленному событію. Въ стихотвореніи:

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго —
Мужа стараго.

Жалобы женщины на свое житье-бытье горемычное выражена красками, совершенно соотвѣтственными тому же изображенію въ народныхъ пѣсняхъ; но въ послѣднихъ эта тема развивается несравненно полнѣе.

Такъ отношенія матери къ дочери, отданной въ чужой домъ и къ зятю, прекрасно выставлены въ цѣлой поэмѣ: „У Спаса къ обѣднѣ звонятъ“ (Разг. п. № 28). Теща снаряжается въ церковь, идетъ помалешеньку, съ ноги на ногу поступываетъ, на башмачки посматриваетъ. Видно, на душѣ у ней крѣпкая дума; всѣ церкви прошла, а Николѣ Мясницкому челомъ; всѣ люди прошла, а зятю челомъ, чтобъ не билъ дочь ея, не проливалъ горячу кровь, не гнѣвилъ сердце материно. Но зять не глядитъ и не говоритъ съ ней, не доволенъ онъ подарками тещи: ни кафтаномъ изъ камки ни сарафаномъ для дочери. Тогда теща даритъ ему три каменныя палаты съ серебрянными маковицами, съ позолоченными крышами, — и зять сталъ ласковъ и выговорилъ: „Богоданная матушка!“ Ты подитко живи у меня, а работы не робь; только баню топи, да воду носи, да ребеночка качай. Этотъ разсказъ какъ нельзя лучше служитъ дополненіемъ къ стихамъ Кольцова:

Небось весело
Теперь матушкѣ...
Утирать мои
Слезы горькія.

Въ другомъ стихотвореніи Кольцова на ту же тему повторяется тотъ же упрекъ родителямъ, но еще болѣе общими словами. И здѣсь выраженіе „Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали“ соотвѣтствуетъ народнымъ: „Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала (Сем. п. № 27). Разница съ первою пѣснью та, что въ ней родители, хоть и поздно, обвиняютъ судьбу, ворожатъ, сулятъ радости; а здѣсь утѣшаютъ пословицей: „Стерпится — слюбится“. Такъ и въ одной народной пѣснѣ (Сем. п. № 43) матушка съ торгу зашла мимоходимъ къ дочери и спрашиваетъ: каково жить въ чужихъ людяхъ? Дочь отвѣчаетъ: „Государыня, моя матушка, отдавши въ люди, стала спрашивать!“ — и разумѣется передаетъ ей, что свекоръ больно билъ, а свекровь, ходя, похвалялась. Любопытно, что тутъ ужъ не денежный расчетъ былъ причиною неудачной свадьбы, а дѣвушку выдали замужъ... ради ближняго перепутьица. *Водовозовъ.*

Жизненная правда поэзіи Кольцова.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т.-е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи

Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе человѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія: въ немъ, только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувство во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильной работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики „стонутъ по полямъ и дорогамъ“ и повсюду „свѣту Божьяго, солнца не рады“; это — масса „рабовъ“, „завидующихъ житью псовъ“. Такъ, у Рѣшетникова его герои, подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влачатъ жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, способны понимать окружающую ихъ жизнь не въ большей степени, чѣмъ смышленыя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать бо́льшую правду о немъ, говоритъ нѣчто иное, исправляетъ это одностороннее воззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія содержаніе поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ въ его историческомъ значеніи имѣетъ несравнено большую роль, чѣмъ это думаютъ обыкновенно; онъ — не интересный прасолъ-поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова по своему содержанію и воззрѣніямъ совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленія Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно весьма тяжелой, жизни. Поэтъ образованныхъ, т.-е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ, для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать „тупого терпѣнія и безсмысленнаго вѣчнаго испуга“. Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —

Солнце нещадно палитъ...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая косулю тяжелую.
Баба порѣзала ноженьку голую...

Въ общемъ великая русская страна представляется страной „тупого терпѣнія“ народнаго, страной,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

Загляните въ стихотворенія Кольцова — и картина народной жизни радикально мѣняетъ свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но, описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и скорбь. „Весело на пашнѣ“, „весело я лажу борону и соху“, „весело гляжу я на гумно и скирды“, — вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ зрѣлищѣ народнаго труда. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка — выраститъ и колосъ“, какъ станетъ колосъ „спѣть, рядиться въ золотыя ткани“, какъ „заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы“. О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ и помина, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ“. Природа съ своей стороны тоже совершенно мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ“, а только „глядитъ съ горы небесъ“, а когда оно „видитъ — жатва кончена“, то „холоднѣе оно пошло къ осени“. Тѣ нивы, покосы да ширь поднебесная, которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова является въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе“ его поэзіи — не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ“; но — говоритъ поэтъ — „родись терпѣливымъ и на все готовымъ“. Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человѣкъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „нюнилъ“, какъ это именно случилось у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

...съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель итти
Пѣсни пѣть соловьемъ...

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнія, а разумныхъ, а иногда необыкновенно смѣлыхъ, исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться —

горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться“... И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ“. Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалѣетъ, что у него нѣтъ довольно воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...

Не то ли же самое находимъ мы въ народныхъ былинахъ? Тамъ, гдѣ, какъ въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, отражаются черты земледѣльческаго быта,—на первый планъ выступаетъ необычайное народное уваженіе къ земледѣльческому труду, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, былина видитъ нѣчто даже большее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній — только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же — самое основаніе жизни. И вотъ, въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ представителемъ земледѣльческаго труда: молодой Вольга Святославовичъ?

...Выѣхалъ въ раздолище чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ, ратая;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ...
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера
Со своей дружинушкой хораброй,
А не могъ до ратая доѣхати,
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера...

Ѣхалъ и третій день до „пáбѣдья“, пока, наконецъ, „наѣхалъ“ пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря. „Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былина отмѣчаетъ и тяжесть этого труда; пахарь замѣчаетъ Вольгѣ-богатырю, что ему „надобна Божья помощь крестьянствовати“. Оставляя соху, Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку „за ракитовъ кустъ“; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ „сошки отъ земли поднять“. Тогда-то, какъ бы для показанія сравнительной силы земледѣльца:

Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой
Сошку изъ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ...

Такъ, съ любовью, переводя всѣ имена въ уменьшительныя, описываетъ былина торжество земледѣльческой силы. Не только самъ пахарь, но и трудовая кобылка его оказывается представительницею силы, какой не достигнуть другимъ. „Оратая кобылка-то рысью идетъ, а Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ; у оратая кобылка-то грудью пошла, а Вольгинъ-то конь оставается“... говоритъ былина. Она не забыла и всей гордости результатами могучаго труда, также поэзіи, свойственной ему, и на вопросъ Вольги: „какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отчеству?“ Микула говоритъ:

Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
—„МолодойМикулушкоСеляниновичъ!“

И въ трудѣ и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова, какъ и въ былинахъ, глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманіе цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ предъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радость и горе, сомнѣнія и вѣрованія.

Конечно, для Кольцова оставались темными вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе образованныхъ людей, и потому его „Думы“ иногда отличаются какой-то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова нерѣдко поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самаго поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотой могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?“ Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицы“. И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе Кольцова на народъ и на его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это. Если „горюющее“ о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, то, именно, что народъ русскій — не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней можно сказать то же, что о содержаніи. Во времена высокой обработки ли-

тературнаго языка, геніальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и только позже нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы.

Затѣмъ въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто геніальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусственнаго, развитаго литературой. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность. *Введенскій.*

Естественность, вѣрность и живость въ изображеніи людей и природы у Кольцова.

Кольцовъ самъ испыталъ всѣ нужды простого народа, самъ жилъ съ нимъ, самъ былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ живутъ наши простолюдины. Поэтому и въ стихотвореніяхъ Кольцова русскіе люди являются настоящими, а не выдуманными существами.

Другая причина естественности изображеній въ пѣсняхъ Кольцова заключается въ самыхъ свойствахъ природнаго ума поэта. Онъ всегда отличался положительнымъ, практическимъ взглядомъ на вещи, и чѣмъ болѣе пріобрѣталъ образованности, тѣмъ яснѣе становился въ немъ такой взглядъ. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ обыкновенно идеалистами, и которые, будучи незнакомы съ нуждами и трудностями жизни, смотрятъ съ пренебреженіемъ на заботы о вещественномъ благосостояніи. Кольцовъ образовался и воспитался именно въ школѣ житейской нужды и лишеній. Поэтому онъ хорошо понималъ важность достатка въ жизни,—и въ его поэзіи ярко отразилось это.

Во всемъ у него видно живое, положительное направленіе. Например, онъ любуется степью, и прекрасно изображаетъ ее; но онъ не забывается въ этомъ наслажденіи. Главная мысль его та, что въ степь эту приходитъ молодой косарь, которому нужно добыть денегъ, чтобы жениться на дочкѣ старосты. И вотъ какъ размышляетъ косарь, обращаясь къ степи:

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись плечо,
Размахнись рука,

Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная;
Поклонись цвѣты,
Головой землѣ!

Вслѣдъ за этимъ чуднымъ изображеніемъ работы косаря, является практическая цѣль, для которой все это дѣлается:

Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной...

Эта забота о вещественныхъ средствахъ жизни вездѣ видна въ пѣсняхъ Кольцова. Пахарь его не восхищается только природою: нѣтъ, думаетъ о другомъ:

Заблеститъ нашъ серпъ
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
...Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство.

Въ стихотвореніи „Урожай“ послѣ превосходнѣйшаго описанія пробужденія сельской природы весной, — идетъ рѣчь о полевыхъ работахъ крестьянъ, и главная мысль обращается на то,

Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Собираясь на пирушку, крестьяне опять —

Пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ —
Про хлѣбъ, про покосъ,
Про старинушку;
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ,
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено.

По осени мужички —

Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

Невѣстѣ своей поэтъ сулитъ не одну любовь къ хижинѣ, а говоритъ: —

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчею съ серебромъ.

Говоря о ссорахѣ съ дурной женой, не забываетъ онъ и о долгахъ:

И живемъ съ ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся,
Да, проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

Въ радости своей онъ говоритъ:

Я не въ полѣ вихремъ вѣялся,
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастья пробовалъ...
Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ себѣ два терема,
Лисицъ, шелку, много золота,
Станетъ — вѣкъ прожить боярами,

Въ грусти своей онъ опять жалѣетъ о томъ, что нѣтъ у молодца —

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны — сохи,
Коня пахаря.

Описывая свое бѣдствіе, онъ говоритъ:

Съ той поры я съ горемъ — нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся.
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся...

Въ грусти своей онъ не забываетъ и о своей одеждѣ: Прошла моя золотая пора — говоритъ онъ, —

До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ давно свалился!

Лихачъ Кудрявичъ разсказываетъ даже подробно, что, когда приневолятъ выйти къ старикамъ на сходку —

Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь.

Всѣ эти черты совсѣмъ не похожи на восклицанія о тоскѣ, о грусти, какія встрѣчаются очень часто въ пѣсняхъ, сдѣланныхъ другими сочинителями. И, несмотря на видимую простоту и отсутствіе всякихъ поэтическихъ прикрасъ, въ пѣсняхъ Кольцова несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, и потому именно, что въ нихъ болѣе правды. Люди, которые въ нихъ изображаются, ближе къ намъ по своему положенію, по своимъ чувствамъ. Мы видимъ, что они въ самомъ дѣлѣ живутъ, радуются и страдаютъ, понимаемъ и причины ихъ веселья и горя, — и поэтому ихъ жизнь, ихъ чувства производятъ на насъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели жалобы выдуманныхъ лицъ, плачущихъ такъ себѣ, отъ нечего дѣлать.

Точно такъ же и описанія природы у Кольцова вполнѣ вѣрны и естественны. Онъ не придумываетъ скалистыхъ береговъ, журчащихъ ручейковъ, прекрасныхъ лѣсовъ съ расчищенными дорожками и т. п., какъ это очень часто дѣлалось многими сочинителями. Онъ описываетъ именно то, что онъ видѣлъ и знаетъ: степь, ниву, лѣсъ, деревню, лѣтній зной, осеннія бури, зимнія вьюги, и представляетъ ихъ именно такъ, какъ они бываютъ въ природѣ. Такихъ картинъ природы у него чрезвычайно много разсыпано въ разныхъ его стихотвореніяхъ, особенно въ „Урожаѣ“, „Пѣснѣ пахаря“, „Что ты спишь, мужичокъ“, „Свѣтитъ солнышко“ и др.

Кромѣ умѣнья изображать природу и жизнь, не искажая ихъ, — у Кольцова есть еще важное достоинство: онъ понимаетъ предметы правильно и ясно. Не просто онъ разсказываетъ то, что случалось видѣть ему; это была бы пустая болтовня. Нѣтъ, онъ думаетъ, о чемъ ему говорить и что говорить, — въ его стихотвореніяхъ всегда есть мысль. Всѣ изображенія предметовъ и людей служатъ у него только для объясненія или для лучшаго выраженія главной мысли. У него вездѣ является человѣкъ и разсказывается о томъ, какое дѣйствіе производитъ на него то или другое явленіе природы. Такъ въ одномъ стихотвореніи у него старикъ, при мысли о веснѣ, вспоминаетъ о томъ, что ему недолго уже наслаждаться жизнію. Въ другомъ — весна разнѣживаетъ сердце молодыхъ людей и пробуждаетъ въ нихъ живыя

чувства. Въ третьемъ — весна возбуждаетъ завѣтныя, мирныя думы поселянъ объ урожаѣ. То вѣянье вѣтра напоминаетъ ему о дорогѣ и онъ поетъ:

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь — мою — дорогу,
Пылью покрываетъ.

То онъ вызываетъ бурю, чтобы покрыть бѣгство удальца:

Подымайся, туча — буря,
Съ полуночной грозой!
Зашатайся лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,
Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ...

То осенніе вѣтры и туманы пробуждаютъ въ его душѣ чувство одиночества, и онъ грустно поетъ:

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные,
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.
Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлаго,
Не видать въ нихъ
Солнца краснаго.
Въ сырой мглѣ —
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...
Въ эту пору
Непогожую
Одному жить
Сердцу холодно...

Такимъ образомъ каждая картина, каждый стихъ у Кольцова имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе по отношенію къ человѣку. Онъ старался еще глубже понять этотъ смыслъ, заключенный въ природѣ, и въ этомъ стараніи отыскать смыслъ вездѣ, во всемъ мірѣ, состоитъ содержаніе его думъ. Онъ говоритъ:

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце,
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ...
...Повсюду мысль одна, одна идея...
...Она одна царица бытія...

Онъ спрашиваетъ, смотря на лѣсъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

Онъ знаетъ, что человѣкъ можетъ и долженъ разсуждать, давать себѣ отчетъ обо всемъ, что совершается предъ нимъ въ мірѣ, потому что —

Цѣлая природа
Въ душѣ человѣка;
Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Правда эти стремленія отыскать мысль въ явленіяхъ природы ни къ чему не привели Кольцова. Онъ только увѣрился, что

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни —

и не дошелъ до того, чтобы проникнуть въ эту тайну. Для этого онъ былъ еще очень мало образованъ; думы тяготили его, какъ онъ самъ признается:

Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва...

Впрочемъ, положительность Кольцова удержала его отъ такъ называемаго мистицизма, т.-е. отъ стремленія находить таинственный смыслъ во всѣхъ, даже самыхъ простыхъ вещахъ. Онъ возвратился, наконецъ, къ своему простому, свѣтлому взгляду на предметы, безъ лишнихъ умствованій и мечтаній. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два его стихотворенія. Одно написано еще въ 1830 году, когда Кольцовъ совершенно незнакомъ былъ съ высшими философскими вопросами.

Что значу я!
Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу
И вѣчно, недовольный, плачу:
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желають
Вопросы эти разгадать;
Но что до нихъ! пусть, какъ хотять,
О всемъ серьезно разсуждають.
Я недоросль, — я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли — посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь — имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ отъ души поплачу, —
И не стараюсь знать, что значу...

Здѣсь еще видна нѣкоторая уклончивость; тонъ этого стихотворенія напоминаетъ тонъ русскаго мужичка, когда онъ, съ лукавымъ простодушіемъ говоритъ: „гдѣ намъ... мы люди темные“. Кольцовъ въ этихъ стихахъ какъ будто бы хочетъ сказать, что онъ и приниматься не хочетъ за разсужденія, что онъ и знать не хочетъ вопросовъ, надъ которыми люди трудятся. Тутъ еще видно пренебреженіе вообще къ мышленію философскому.

Другое стихотвореніе написано уже въ 1841 году, въ послѣднее время жизни Кольцова:

Не время ль вамъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть — иль нѣтъ — желать?
Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы.
Но отъ души ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить?
Темна, страшна могила,
За далью мракъ густой;
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!
А тутъ дары земные
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,
И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой...

Здѣсь также поэтъ сознается, что безполезно строить воздушные міры и мечтать про высоты; но теперь мысли его высказаны гораздо серіознѣе; видно, что онъ возстаетъ не противъ мышленія, не противъ разума, которому такъ много былъ обязанъ, а только противъ злоупотребленія ума, когда онъ пускается въ мечтательныя теоріи и отдаляется отъ жизни. Такую перемѣну произвело въ Кольцовѣ то время, когда онъ познакомился съ высшими вопросами и хорошо передумалъ ихъ. Его можно было бы сравнить въ этомъ съ алхимикомъ, который, долго искавши философскаго камня, убѣждается, наконецъ, въ нелѣпости алхиміи, но вмѣсто нея обращается къ истинной

наукѣ и дѣлаетъ въ ней новыя открытія. Въ этомъ случаѣ даже и не совсѣмъ ясныя, нѣсколько мечтательныя умствованія, все-таки не безполезны были для Кольцова, пріучивъ его умъ къ болѣе серіозному взгляду на предметы и утвердивши еще болѣе природную ясность и положительность его ума.

И Кольцовъ, дѣйствительно, умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что было близко къ нему. Онъ прекрасно понималъ не только русскую жизнь, но и характеръ русскаго народа, и умѣлъ его выразить въ своихъ пѣсняхъ. Такъ у него прекрасно высказывается широкій разгулъ русскаго человѣка, эта удаль, которая идетъ на все и которой все ни по чемъ. Это можно видѣть въ пьесахъ: „Какъ здоровъ да молодъ", „Расчетъ съ жизнію". „Дума сокола".

Весьма вѣрно вмѣстѣ съ удалью выражается у Кольцова также и беззаботность, это завѣтное „авось", съ которымъ идетъ русскій человѣкъ на встрѣчу и горю и радости. Пѣсни „Лихача-кудрявича" совершенно въ русскомъ народномъ характерѣ. Лихачъ-кудрявичъ не слишкомъ любитъ разсчитывать: онъ,

Что шутя задумалъ, —
Пошла шутка въ дѣло,
А тряхнулъ кудрями, —
Въ одинъ мигъ поспѣло...

По его мнѣнію —

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Такъ говоритъ онъ въ счастіи. Приходитъ бѣда — и тутъ онъ не измѣняетъ своему характеру; онъ опять не расчитываетъ, какъ помочь горю, какъ отвратить напасть, а покорно покоряется своей участи.

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ, —
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ...
Зла бѣда не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору...

Отъ нея не уйдешь, такъ ужъ лучше и не хлопотать понапрасну...

Зато —

Какъ здоровъ да молодъ, —
Безъ веселья веселъ,
Безъ призыва счастье
И валитъ и ѣдетъ...

Тутъ и заботиться не о чемъ: хлѣба ли нужно, —

А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля...

Достатка ли надобно?

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома,
На днѣ моря — груды золота,
Облака идутъ — нарядъ несутъ.

Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы самъ Кольцовъ тоже такъ смотрѣлъ на вещи. Напротивъ, онъ и въ поэзіи, какъ во всей жизни своей, выражаетъ убѣжденіе, что нужно бороться съ обстоятельствами, и что безпечность непремѣнно ведетъ къ лѣни и усыпленію.

Онъ обращается съ укоромъ къ поселянину:

Что ты спишь, мужичокъ!

Онъ говоритъ своему другу:

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ!...

Если обстоятельства жизни слишкомъ тяжелы для него, то онъ не падаетъ духомъ, но смѣло идетъ —

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,.
Съ злою долей перевѣдаться.

Онъ всегда готовъ къ тому,

Чтобъ порой, предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...

Его стремленія всегда живы и сильны, и онѣ почти всегда превосходно выражаются въ его стихахъ. Какъ сильно, какъ естественно, какъ вѣрно выраженіе мыслей и чувствъ у Кольцова, — это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ и еще болѣе изъ чтенія самыхъ стихотвореній его. Скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о формѣ ихъ. Пѣсни Кольцова писаны особеннымъ размѣромъ, близкимъ къ размѣру нашихъ народныхъ пѣсенъ, но гораздо болѣе правильнымъ. Въ нихъ, большею частію, нѣтъ риѳмы, а если и есть, то всего чаще черезъ стихъ. Языкъ Кольцова совершенно простой, народный. Рѣдко, рѣдко можно встрѣтить въ его стихахъ книжное выраженіе, да и то, большею частію, въ слабыхъ его пьесахъ, которыя писалъ онъ правильнымъ, метрическимъ размѣромъ въ первое время своей поэтической дѣятельности. Выраженія народныя встрѣчаются у него часто; но формы вездѣ почти правильныя, принятыя въ литературѣ. Можно найти всего пять или шесть фразъ неправильныхъ, напр.: до время, задной головою, и т. п. Но эти недостатки совершенно незначительны и нисколько не вредятъ истиннымъ красотамъ поэзіи Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенныхъ стремленій, тяжелыхъ испытаній и благородныхъ, чистыхъ чувствъ. Въ ней виденъ его свѣтлый взглядъ на предметы, умѣнье понимать жизнь и природу, въ ней, наконецъ, является живое, естественное представленіе вещей, безъ прикрасъ и безъ искаженій природы. Все это такія достоинства, которыя дѣлаютъ стихотворенія Кольцова весьма замѣчательными въ нашей литературѣ. Въ нихъ соединяются всѣ условія, необходимыя для поэтическаго достоинства, т.-е. разумная мысль, благородное стремленіе и живое, глубокое чувство. Изъ соединенія этихъ условій происходитъ та правдивость и искренность, которою отличается Кольцовъ какъ въ изображеніи собственныхъ душевныхъ ощущеній, такъ и въ представленіи предметовъ внѣшнихъ. Это послѣднее достоинство получаетъ особенную цѣну въ глазахъ нашихъ, когда мы вспомнимъ, какъ рѣдко являлось оно у нашихъ писателей до Кольцова. *Изъ изд. Кольцова 1877 г.*

Значеніе поэзіи Кольцова.

По недостатку образованія, Кольцовъ не могъ своими произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и литературы. Въ то же время могучая личность ставила его выше времени. Его произведенія положительно выразили собою тотъ идеалъ, на который остальные поэты наши указываютъ путемъ отрицанія. Онъ былъ болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго. Его поэзія прямо призываетъ къ полнотѣ наслажденія тою жизнью, простые законы которой стремится опредѣлить и современная мудрость путемъ критики и утопіи. Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ, — вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеалъ жизни, проникшій восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина. Замѣчательно, что появленіе его стихотвореній современно появленію произведеній Гоголя, величайшаго поэта-аналитика, давшаго надолго нашей литературѣ направленіе критическое. Такъ и должно быть: сознаніе идеала одно только и можетъ дать смыслъ и крѣпость анализу и отрицанію. Иначе анализъ переходитъ въ мелочное сплетничанье, а отрицаніе — въ болѣзненное и безплодное раздраженіе желчи. Эпоха критики должна быть, въ то же время, эпохою утопіи (принимая это слово въ его первоначальномъ, разумномъ значеніи); иначе человѣчество утратило бы всю энергію живыхъ стремленій и осталось бы безъ отвѣта на призывы бытія.

До сихъ поръ, Кольцовъ былъ поэтомъ безъ публики. Низшій классъ народа не читалъ его потому же, почему, можетъ-быть, и долго еще не будетъ читать; а *образованные люди*, большею частію, смотрѣли на его произведенія, какъ на факты, любопытные по своей рѣдкости. Они не могли сочувствовать Кольцову именно потому, что имъ слишкомъ любопытно было видѣть прасола, чувствующаго, мыслящаго и пишущаго *не хуже* тѣхъ, которые считали въ *то время* и мысль, и чувство, и творчество своими привилегіями. Самый матеріалъ его поэзіи — русскій крестьянскій бытъ — не могъ не казаться имъ предметомъ совершенно чуждымъ ихъ интересовъ. Если до сихъ поръ еще не замолкли жалобы на писателей, выводящихъ въ своихъ повѣстяхъ уѣздныхъ помѣщиковъ и мелкихъ столичныхъ чиновниковъ, то можно себѣ представить, какою китайскою стѣною равнодушія за десять лѣтъ предъ симъ отдѣлена была отъ интереса образованныхъ классовъ нашего общества вся эта крестьянская и мѣщанская дѣйствительность, гуманизированная Кольцовымъ! Прибавьте къ этому, что романтизмъ въ то время еще ослѣплялъ наше общество полнымъ блескомъ своей красивой лжи, и согласитесь, что сочувствователи Кольцова появились только на-дняхъ, не прежде. Исторія его вліянія только что начинается, и мы не считаемъ себя вправѣ заглядывать въ будущее.

Майковъ.

Проявленіе религіознаго чувства у крестьянина въ различные моменты его жизни по стихотвореніямъ Кольцова.

„Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра"...

„Молитва".

Каждое дѣло крестьянинъ-земледѣлецъ начинаетъ молитвой, съ молитвой онъ садится за столъ; въ свободное отъ тяжелаго труда своего время идетъ въ церковь, молитъ Бога, чтобы Онъ помогъ ему въ нуждахъ, — идетъ въ церковь не съ пустыми руками, а съ заработанной „копейкой-казной", чтобы купить свѣчку и поставить её предъ иконой, какъ символъ своей теплой вѣры въ промыселъ Божій, руководящій имъ въ его трудовой жизни.

Такимъ изображенъ крестьянинъ-земледѣлецъ въ поэзіи Кольцова. Послѣ тяжелыхъ трудовъ въ теченіе весны, лѣта и осени собралась крестьянская семья съ родными и знакомыми попировать, побесѣдовать, и прежде всего она помнитъ о Томъ, Кто далъ возможность принять и накормить родныхъ и знакомыхъ:

Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
(„Крестьянская пирушка".)

Земледѣлецъ-крестьянинъ, добывающій себѣ хлѣбъ „въ потѣ лица", не забываетъ того, что трудъ и результаты послѣдняго вполнѣ зависятъ отъ Бога; поэтому онъ проситъ Всевышняго помэчь ему въ такомъ тяжеломъ трудѣ, какъ обработка земли:

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою...
Богу — Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ, по полю
Всѣ разъѣхались... („Урожай".)

Молитва помогаетъ въ трудѣ крестьянину и, по вѣрѣ послѣдняго, должна отражаться благодѣтельно на результатѣ труда: пахарь говоритъ:

Съ тихою милитвой,
Я вспашу посѣю...
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!...
(„Пѣсня пахаря".)

„Кто у Бога проситъ", говоритъ старикъ-поселянинъ, которому „на восьмой десятокъ пять лѣтъ перегнулось":

Да работать любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
(„Размышл. поселянина".)

Послѣ посѣва тяжелое чувство при мысли, что-то будетъ на засѣянномъ полѣ, умѣряется увѣренностью, что за честный трудъ Господь не оставитъ своей милостью: пахарь говоритъ:

Посмотрю — пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ... („Урожай".)

Та же увѣренность и надежда на милость и помощь Божію и святыхъ видны въ „Размышленіи поселянина“:

Лиха бѣда въ землю
Кормилицу — ржицу
Мужичку закинуть, —
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля.

Собравъ „хлѣбъ“, свое „богатство“, крестьянинъ спѣшитъ „лишней копейкой Божій праздникъ встрѣтить“ („Размыш. поселян.“). Въ чемъ состоитъ эта встрѣча, объ этомъ говорятъ заключительные стихи „Урожая“:

... жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

„Жизнь прожить — не поле перейти“: много даетъ она безотраднаго, тяжелаго крестьянину, но онъ не падаетъ духомъ: отдаетъ себя вполнѣ въ руки Провидѣнія — въ увѣренности: „Что ни дѣлается, — все къ лучшему“. Это чувство покорности Всевышнему въ неудачахъ, несчастьи, горѣ вѣрно психологически понято Кольцовымъ — потому, что онъ самъ „кость отъ костей, плоть отъ плоти“ народа.

Крестьянинъ, которому „на восьмой десятокъ пять лѣтъ перегнулось“ принужденъ потомъ и кровью добывать кусокъ хлѣба для своихъ невѣстокъ, у которыхъ „дѣтей кучи — все малъ-мала меньше“, такъ какъ одинъ сынъ въ могилѣ, а другой на службѣ, и этотъ убѣленный сѣдинами старикъ, единственный для многочисленной семьи работникъ, находитъ утѣшеніе въ мысли:

Богу, знать, угодно
Наказать подъ старость
Меня горемыку
Такой тяготою...
(„Размышл. поселян.“.)

Та же мысль заставляетъ женившагося по „разуму“ родни и товарищей — на богатой, но злой женѣ нести крестъ свой до конца:

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись — не разженишься, —
Наказалъ Господь, такъ и мучайся...
(„Всякому свой таланъ“.)

Обманутая возлюбленнымъ — въ своемъ горѣ находитъ утѣшеніе также въ Богѣ:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
(„Пѣсня“.)

Отъ преступной любви дѣвушку удерживаетъ мысль объ отвѣтственности за темныя дѣла предъ Богомъ; поэтому она на призывъ добраго молодца зажить жизнью вольною отвѣчаетъ:

За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнава!
(„Пѣсня разбойника“.)

Явится ли мысль у крестьянина-земледѣльца пожить легкимъ трудомъ: наживою, грабежомъ своихъ ближнихъ, онъ отгоняетъ отъ себя эту грѣшную мысль размышленіемъ:

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?
Въ церкви попъ-Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится...

Но жить жизнью деревенскою не хочется „разудалому молодцу“, и поэтому онъ рѣшается

Лучше воиномъ
За царевъ законъ,
За крещеный міръ
Сложить голову!
(„Удалецъ“.)

Или онъ рѣшается поискать счастья на сторонѣ, но вполнѣ положившись на Промыслъ Божій: молодецъ говоритъ:

Со двора пойду,
Куда путь манитъ;
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!
(„Дума сокола“.)

Прядкинъ.

Крестьянскій трудъ съ его горемъ и радостями.

Въ концѣ зимы и раннею весною пахарь подготовляетъ все, что понадобится ему съ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ: борону, соху, телѣгу и т. д. Эта подготовка веселитъ душу пахаря: ему „зиму зимскую“ надоѣло на печи лежать. Это, до нѣкоторой степени, событіе въ жизни крестьянина описано слѣдующими стихами, которые нашъ поэтъ влагаетъ въ уста пахаря.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю
Зерна насыпаю...

говоритъ онъ своему другу—„сивкѣ“, желая этими словами побудить „сивку“ весело и бодро возить соху, бороздить ниву, чтобы приготовить „колыбель святую“ зернышку, которое должно составить въ будущемъ пропитаніе какъ для пахаря, такъ и для „сивки“. Крестьянинъ — пахарь, слѣдовательно, былъ бы совершенно безпомощенъ, если бы у него при такомъ тяжеломъ трудѣ, какъ обработка земли, не было вѣрнаго помощника, „коня-пахаря“. Вотъ почему онъ дорожитъ этимъ животнымъ болѣе, чѣмъ какимъ-нибудь другимъ; вотъ почему онъ своему вѣрному товарищу, „коню-пахарю“, даетъ самые нѣжные эпитеты, ведетъ съ нимъ разговоръ, какъ съ существомъ разумнымъ: работая на пашнѣ, онъ говоритъ „сивкѣ“:

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной—
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю...
Весело на пашнѣ:
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ...
(„Пѣсня пахаря“.)

Поэтому горько становится жить крестьянину на „бѣломъ свѣтѣ“, если у него нѣтъ „бороны сохи, коня-пахаря“.

Время для посѣва весенняго не всегда однако бываетъ благопріятно: нельзя бываетъ сѣять, когда земля высохнетъ. Съ тяжелымъ чувствомъ тогда пахарь ждетъ дождя: безъ послѣдняго онъ не рѣшается начать посѣвъ. Наконецъ, къ радости его,

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Затѣмъ эта туча, несомая „вѣтрами буйными во всѣ стороны свѣта бѣлаго“,

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую...
И съ горы-небесъ
Глядитъ солнышко:
Напилась воды
Земля досыта.
(„Урожай“.)

Крестьяне-земледѣльцы спѣшатъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ для посѣва: насыпаютъ заготовленное зерно въ мѣшки, убираютъ воза и, съ молитвою „Богу-Господу“, дружно, „гужомъ“, выѣзжаютъ на поля, до восхода солнца; дружно принимаются сѣять и пахать:

Чѣмъ свѣтъ, по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать
И давай пахать
Землю плугами
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
(„Урожай“.)

По окончаніи весенняго посѣва, до „покоса“ и во время „покоса“, въ свободное отъ работъ время, крестьяне отправляются посмотрѣть на поля, чтобы видѣть, что послалъ имъ Господь за труды ихъ. Кольцовъ, подобно Пушкину, поэтъ-художникъ, — поэтъ, выбиравшій для изображенія въ своихъ произведеніяхъ главнымъ образомъ свѣтлую сторону жизни, даетъ намъ величественную картину урожая и, какъ сынъ народа по своимъ воззрѣніямъ, изображаетъ эту картину не *отдѣльно*, а въ связи съ жизнью крестьянина, съ его мыслями и чувствами. Картина урожая нарисована не сама по себѣ, а для того, чтобы дать намъ образъ крестьянина-труженика, образъ свѣтлый: окружающія его нивы ласкаютъ его взоръ, вызываютъ въ душѣ его чувство

довольства, радости... Но пусть за насъ говоритъ самъ пахарь, которому поэтъ влагаетъ въ уста слѣдующее: пахарь говоритъ:

Посмотрю — пойду,
Полюбуюся:
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая,
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится
(„Урожай".)

Весенія полевыя работы: пахота, посѣвъ, не обходятся, конечно, пахарю и безъ страданій: бываетъ ему и не до пѣсни, не до разговоровъ съ „сивкою": тяжелый самъ по себѣ трудъ—хожденіе за сохою съ утра ранняго („Чѣмъ свѣтъ по полю всѣ разъѣхались"...) до поздняго вечера, иногда приходится нести въ такое время, когда земля еще не согрѣта солнечными лучами, пропитана холодною влагою; когда свирѣпствуютъ холодные „буйные вѣтры"; но Кольцовъ, какъ поэтъ главнымъ образомъ свѣтлой стороны русской деревенской жизни, не даетъ намъ образа этой мрачной дѣйствительности: онъ, по мѣткому замѣчанію Гоголя о дарованіяхъ поэта: „изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія... сокрывъ печальное въ жизни"[1]).

Сѣнокосъ. Причина неполноты описанія Кольцовымъ сѣнокоса.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!—

вотъ окружающая природа, среди которой совершается вторая крестьянская работа: заготовленіе сѣна на зиму. Эта окружающая природа оживляетъ „косаря"[2]), облегчаетъ трудъ его, самъ по себѣ тяжелый. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, дѣлается заготовленіе корма на зиму для товарища, „коня-пахаря"... Подготовка къ сѣнокосу, уборка сѣна, трудъ крестьянина — „косаря" изображены Кольцовымъ могучими стихами: стихи: „Раззудись, плечо!"—„Размахнись, рука!"—„Зажужжи, коса!" и др. даютъ намъ возможность чувствовать то напряженіе силъ, тотъ трудъ, который несетъ „косарь", съ силою размахивая косою,

---

[1]) Гоголь: „Мертвыя души", гл. VII.

[2]) „Косарь"—слово въ народныхъ говорахъ Воронежской губерніи собственно означаетъ торговца, который разъѣзжаетъ по деревнямъ съ косами предъ сѣнокосомъ или — по мѣстному выраженію: предъ „покосомъ", и сбываетъ этотъ товаръ крестьянамъ по дорогой цѣнѣ, особенно, если крестьянинъ „беретъ въ долгъ" косы. Рабочіе во время сѣнокоса извѣстны автору очерка подъ именемъ *косцовъ*; но онъ оставляетъ слово „косарь" въ томъ значеніи, въ которомъ оно употреблено Кольцовымъ.

чтобы подкосить траву подъ корень. Вотъ стихи, которыми изображено все сказанное: „косарь“ говоритъ:

Я куплю себѣ,
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!...
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косою вострою...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты *пахни* въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошёная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!“

Но полной картины уборки сѣна Кольцовъ не далъ намъ, какъ это сдѣлано другими поэтами, напр., въ стихотвореніи: „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами“... не далъ намъ поэтическаго образа „косаря“, работающаго въ лугахъ, лѣсныхъ лужайкахъ, по болотамъ и т. д. и опять главнымъ образомъ потому, что, напр., работа на болотѣ не будетъ свѣтлымъ воспроизведеніемъ труда крестьянскаго, а натура Кольцова, по природѣ своей, способна была воспроизводить главнымъ образомъ „возможное“, идеальное.

„Страда деревенская“. Тяжесть труда въ это время. Осеннія работы.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю матушку.
(„Молодая жница“.)
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
(„Пѣсня пахаря“.)

Точно также и въ описаніи *страды деревенской* Кольцовъ остался вѣренъ своему призванію: онъ яркими штрихами изобразилъ только то, что поднимаетъ духъ крестьянина; коснулся главнымъ образомъ того, что получается въ результатѣ послѣ разумнаго тяжелаго труда.

„Страда деревенская“ начинается уборкою ржи. Рожь созрѣла, годна для уборки, когда она

Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плывётъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
(„Урожай“ стран. 62).

И пахарь зорко слѣдитъ за ея созрѣваніемъ, ловитъ время, чтобы „не пропустить“, т.-е. не допустить её до того момента, когда она станетъ „сыпаться“, когда зерно начнетъ выпадать изъ колоса. Уловивъ этотъ моментъ,

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды,
Широко стоятъ,
Поднявъ головы
(„Урожай“ стран. 62).

Про трудъ свой во время „страды“ пахарь говоритъ, что онъ благодѣтельно вліяетъ на организмъ его:

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
(„Пѣсня пахаря“ стран. 51).

Сладость отдыха въ это время должна чувствовать и женщина, потому что

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю матушку...

Жатва и вообще работа женщины въ „страду деревенскую“, подъ жгучими лучами солнца, очень тяжела, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда женщинѣ приходится въ это время ухаживать и за ребенкомъ, да еще больнымъ; слѣдовательно, мать-крестьянка, при тяжести физическаго труда, еще страдаетъ при видѣ больного ребенка.

Какъ велики страданія бываютъ иногда у жены пахаря во время „страды деревенской“, объ этомъ Кольцовъ не говоритъ по выше указанной причинѣ, — какъ художникъ свѣтлой стороны жизни крестьянской. Эта картина дана намъ другимъ поэтомъ, Некрасовымъ, въ стихотвореніи: „Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“... Какъ поэтъ горестей и радостей народныхъ, Некрасовъ такъ описываетъ положеніе жены пахаря съ ребенкомъ на нивѣ:

Зной нестерпимый, равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная, —
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую, —
Некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки:
Баба туда... растрепалися косыньки! —
Надо ребенка качать!
. . . .
Слезы ли, потъ ли у ней подъ рѣсницею,
Право сказать мудрено, —
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они — все равно.
Вотъ она губы свои опаленыя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?

Иногда страданія несчастной матери еще болѣе увеличиваются, когда она лишается ребенка во время тяжелой работы въ полѣ, подъ

жгучими лучами солнца... У Кольцова есть только намекъ на это страшное горе, постигшее мать среди поля, на нивѣ: у нея умеръ ребенокъ, котораго похоронили здѣсь же, „въ полѣ на просторѣ“; но эта мрачная картина у нашего поэта нѣсколько смягчена раздумьемъ: поэтъ положительно не говоритъ, что въ могилѣ, въ полѣ на просторѣ, похороненъ именно младенецъ. На этой могилѣ

И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.

Можетъ-быть, говоритъ Кольцовъ, здѣсь погребенъ русскій, убитый татариномъ, а можетъ быть,

...молодая
Жница-поселянка
Ангела-младенца,
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ,
Положенъ дитя...
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!
(„Могила“.)

Въ началѣ XIX столѣтія народонаселеніе Воронежской губерніи, конечно, было значительно малочисленнѣй. Села другъ отъ друга были на бóльшемъ разстояніи, чѣмъ теперь: въ данное время въ степи можно встрѣтить поселенія на разстояніи другъ отъ друга 10, 15 и болѣе верстъ, а въ началѣ истекающаго столѣтія эти разстоянія были вдвое больше, почему крестьянамъ приходилось ѣхать въ поле на день, на два и больше; вблизи священника найти было нельзя, и, въ случаѣ смерти ребенка, хоронили его въ полѣ, а отпѣваніе (погребеніе) совершалъ священникъ, когда семья, лишившаяся „дитя“, съ работы возвращалась домой, въ свое село, и заявляла ему, священнику, о смерти ребенка.

Оканчивается „страда деревенская“; хлѣбъ перевезенъ на гумно; весело на душѣ у крестьянина, когда онъ глядитъ „на гумно, на скирды“; когда молотитъ и вѣетъ собранный съ нивы хлѣбъ, свое богатство. Въ теченіе осени крестьянинъ собираетъ зерно и для расхода по дому, и для продажи; продаетъ онъ хлѣбъ, когда установится санный путь, о чемъ поэтъ говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни: „Что ты спишь, мужичокъ?“

Вслѣдъ за нею[1]) зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ
Подъ санями хруститъ;
Всѣ сосѣди[2]) на нихъ
Хлѣбъ везутъ — продаютъ,
Собираютъ казну,

чтобы „нужды справить“, „Божій праздникъ встрѣтить“.

Прядкинъ.

[1]) Осенью.
[2]) „Лѣниваго мужичка“.

Идеализмъ Кольцова въ изображенiи крестьянской жизни и жизнерадостное отношенiе къ природѣ.

Здоровымъ и радостнымъ чувствомъ жизни проникнуты всѣ пѣсни Кольцова. Его спокойный и свѣтлый идеализмъ выливается въ самыхъ реальныхъ и положительныхъ образахъ, которые онъ могъ находить только въ деревенской природѣ. Онъ съ смѣлою и твердою вѣрою глядитъ на настоящее и ждетъ будущаго. Неизбѣжные въ жизни человѣка труды, лишенья, неудачи, ея бѣды и опасности — не раздавливаютъ его собою, какъ безсильное насѣкомое. Онъ бодро поднимаетъ голову на встрѣчу борьбѣ и готовъ помѣриться со всякою судьбою, готовъ съ бою взять свое счастье. Поэтъ — простолюдинъ, поэтъ — работникъ, привыкшiй всего требовать отъ самого себя, все добываетъ своими руками, — и не поддается малодушiю празднаго барича или преутомленнаго книжника. Когда нужно терпѣть и страдать, онъ страдаетъ и терпитъ съ мужественною рѣшимостью, съ всепобѣждающею выносливостью русскаго крестьянина. Не думайте, чтобы онъ не зналъ страданiй и горя: нѣтъ, Кольцовъ видѣлъ много горя и видѣлъ его лицомъ къ лицу; но онъ принималъ страданiя какъ законный удѣлъ человѣческаго бытiя, съ дѣтскою покорностью Богу, не враждуя, не проклиная, но благословляя, надѣясь и любя.

Посмотрите жъ зато какою спокойною силою, какою удалью степного богатыря — дышатъ пѣсни этого поэта — прасола и въ его мужественной любви къ женщинѣ, и въ его восторгахъ передъ природою, и въ его борьбѣ съ напастями жизни.

Выходи жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою!

Мо́лодецъ уда́лый
Соловьемъ засвищетъ, —
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ!

обращается онъ, полный бодрой вѣры, къ бурямъ жизни.

Иль у со́кола крылья связаны?
Иль пути ему всѣ заказаны?

спрашиваетъ онъ самъ себя въ другой пѣснѣ, и въ самомъ этомъ вопросѣ уже слышится смѣлый отвѣтъ. Надежда на свои силы нигдѣ не покидаетъ поэта. Послѣ минутнаго унынiя, когда ему уже кажется, что его „горемычной долѣ нѣтъ нигдѣ привѣта“, онъ сейчасъ же ободряется духомъ и взываетъ къ этой самой долѣ:

Поднимись, что̀ силы
Размахни крылами!
Можетъ, наша доля
Живетъ за горами?

Если нѣтъ, — у моря
Сядемъ да дождемся,
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Горю онъ нигдѣ не хочетъ сдаваться, нигдѣ не хочетъ покинуть своей жизненной радости.

И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,

На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Вотъ его идеалъ. Препятствія и опасности не пугають его:

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія!

поетъ онъ въ „Пѣснѣ разбойника“; а въ другой его пѣснѣ влюбленный удалецъ хвалится:

Что мнѣ крѣпкій замокъ, караулъ, ворота?
Воеводская дверь мнѣ всегда расперта!

Въ „Измѣнѣ суженой“, гдѣ герой пѣсни въ отчаяньи упалъ-было на могилу отца и матери, отчаянье его опять вдругъ разрѣшается приливомъ молодецкой отваги:

Въ ночь подъ бурей я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.

Въ стихотвореніи „Перепутье“ Кольцовъ изобразилъ, повидимому, безысходное состояніе своего героя, „то ужъ шагу ступить некуда!“ Онъ въ тяжеломъ раздумьѣ спрашиваетъ себя:

Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?

и тутъ же съ веселой насмѣшкой надъ самимъ собою, съ безпечною вѣрою въ широкое будущее, вдругъ начинаетъ утѣшать себя:

Куда глянешь — всюду наша степь!
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!

Вотъ и одолѣйте чѣмъ-нибудь такую несокрушимую силу терпѣнья и вѣры! Немудрено, что образы, которые создаетъ поэзія Кольцова, тоже переполнены силы, красоты и удали, — настоящіе идеалы русской народной фантазіи, Иваны Царевичи и Бовы Королевичи своего рода.

У меня ль плечо
Шире дѣдова,
Грудь высокая, —
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную!

описываетъ себя его „Косарь“. Его тоже постигло горькое горе, но онъ не квасится передъ нимъ, не ноетъ и не плачетъ, какъ баба, а хочетъ бѣду за рога схватить, отъ одной своей удали ждетъ себѣ помощи:

Раззудись, плечо, размахнись, рука!

восклицаетъ онъ въ вдохновеньи своей рабочей силы:

Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ, —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Возвращусь въ село
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!

Герои Кольцова — это все своего рода Лихачи-Кудрявичи, которые все смѣютъ, которымъ все удается.

Что шутя задумалъ, —
Пошла шутка въ дѣло!
А тряхнулъ кудрями, —
Въ одинъ мигъ поспѣло!

Свѣтлое и радостное отношеніе къ жизни, котораго не могли побѣдить въ Кольцовѣ никакія неудачи, отражается и въ его описаніяхъ природы. Какъ и подлинная народная пѣсня, пѣсня Кольцова говоритъ о природѣ въ такихъ ὀбразныхъ и любовныхъ выраженіяхъ, какими обыкновенно описываютъ только дорогого сердцу человѣка, словно природа — живая красавица, въ которую безъ ума влюбленъ поэтъ. Лѣсъ у него — настоящій живой богатырь русскихъ сказокъ „Бова силачъ заколдованный“, какъ называлъ онъ его. У него даже „рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская“.

У тебя ль было
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ...
Встрепенувшися
Разбушуешься, —
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ!

Степь у него тоже живая:

Степь раздольная!
Далеко вокругъ широко лежитъ,
Ковылемъ — травой разстилается...

Ахъ, степь, ты, степь, зеленая!
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника...
У васъ весной присуха есть
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ!...

Изливаетъ онъ степи свои восторги въ стихотвореніи „Пора любви“. А вотъ какими животрепещущими красками описываетъ онъ лѣтнее поле, лѣтнее гумно въ своемъ „Урожаѣ“:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти дὀ земли;
На гумнахъ вездѣ
Князья скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Вы видите, что въ пѣснѣ Кольцова, опять таки какъ въ народной пѣснѣ, все невольно очеловѣчивается силою любви поэта. Хлѣбъ у него „сиротою въ поляхъ некошенъ стоитъ“; зима у него, будто какая-нибудь старуха-вѣдьма,

Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ.

Даже могила у него и та живетъ, и та только спитъ тѣмъ же сномъ человѣка.

Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Поэтъ нечувствительно мѣшаетъ природу со всѣмъ, что онъ любитъ, переселяетъ въ нее душу человѣка, а въ душѣ человѣческой наивно видитъ тѣ же картины, что такъ любы ему въ родной степи. „Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло, бѣлымъ снѣгомъ перекрылося!“ выра-

жается, онъ въ своемъ стихотвореніи „Разлука“, точно онъ говоритъ о какой-нибудь картинѣ солнечнаго заката зимою, а не о волненіяхъ души.

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая, —
Песку со дна не выкинетъ!

говоритъ онъ о затаенномъ въ сердцѣ горѣ въ другой своей пѣснѣ. Такое тѣсное родство поэта съ природою могло зародиться только въ постоянной жизни глазъ-нà-глазъ съ нею, въ тѣ годы дѣтства и юности, когда Кольцову цѣлые дни приходилось кочевать то верхомъ, то пѣшкомъ, вслѣдъ за ватагами пасущихся овецъ и гуртами медленно шагающихъ быковъ, и которые онъ такъ любилъ вспоминать въ своихъ стихахъ.

Какъ черный пологъ ночь виситъ;
И даль пространная чернѣетъ;
Зажженъ случайною рукой —
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.

Плетусь къ ночлегу на своей
Кляченкѣ тощей и усталой,
Держу я путь къ тому огню,

съ мирною радостью разсказываетъ поэтъ:

То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка
Подъ пѣснь родную чумака!...
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ, —

Украйны вольныя сыновъ, —
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны, и полны
Преданьями родной страны.

Такова была школа и таковы были учителя поэта-пѣсенника. Наивныя пѣсни „родной страны“, которыя онъ слушалъ въ тиши этихъ темныхъ ночей, вдохнули и въ его душу ту чудную поэзію родины, то теплое русское чувство, которыя незримо разлиты въ каждой строкѣ Кольцовскихъ стихотвореній. Это глубокое чувство родины особенно роднитъ поэзію Кольцова съ народною поэзіею, съ тѣми сладко-щемящими душу старыми пѣснями, которыя еще до сей поры разносятся по широкому простору русскихъ полей, и въ которыхъ вылила, какъ могла, свою безсознательную дѣтскую любовь къ родной землѣ-матушкѣ, свое наивное наслажденіе красотами родной природы младенческая душа русскаго человѣка:

Высота ли высота поднебесная!
Глубота — глубота океанъ — море!
Широко раздолье по всей землѣ!
Глубоки-темны омуты Днѣпровскіе!

Но Кольцовская пѣсня не была бы народною пѣснью, не была бы русскою пѣснью, если бы она не была въ то же время насквозь проникнута горячею вѣрою въ Бога. Поэтъ-простолюдинъ, поэтъ-пастухъ не могъ быть невѣрующимъ поэтомъ, поэтомъ отрицанья и сомнѣній. Звѣздное небо, торжественная тишина степей, нерукотворныя колоннады лѣсныхъ храмовъ не воспитываютъ атеистовъ, точно такъ же какъ не воспитываетъ ихъ трудовая жизнь деревенскаго

люда, среди вѣчно неизмѣнныхъ законовъ мірозданья, глазъ нà глазъ съ дождемъ и молніей, урожаемъ и засухой, съ Божьей милостью и Божьимъ наказаніемъ. *Марковъ.*

Отголоски миѳическихъ вѣрованій въ стихотвореніяхъ Кольцова.

При всей простотѣ языкъ Кольцова отличается обиліемъ чрезвычайно смѣлыхъ и даже вычурныхъ оборотовъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующія сравненія при изображеніи очей, думъ и рѣчей:

Въ нихъ (очахъ) огонь неземной,
Жарче солнца горитъ!
Въ васъ страшнѣе грозы
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, проглянъте, глаза,
Загоритесь, глаза,
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое и т. д.

Ихъ очи, какъ звѣзды,
По небу блестятъ,
Ихъ думы, какъ тучи,
Ихъ рѣчи горятъ (110).

Сравненіе очей съ солнцемъ, звѣздами, думъ съ тучами и рѣчей съ огнемъ напоминаетъ реторическія фигуры, которыя встрѣчаются въ поэмахъ и одахъ ложноклассическихъ конца прошлаго столѣтія.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ инымъ явленіемъ. Эти обороты не Кольцовымъ придуманы. Въ нихъ мы видимъ вѣковѣчные образы, типическія формы народной поэзіи. Въ произведенія Кольцова вошли многія представленія, зарожденіе которыхъ относится къ отдаленной миѳической порѣ народной жизни. Для человѣка, оторваннаго чуждою цивилизаціею отъ народа, это — громкія фразы, безсодержательныя фигуры; для человѣка же, проникнутаго народнымъ міровоззрѣніемъ, всѣ эти выраженія заключаютъ въ себѣ опредѣленныя реальныя представленія. Это отголоски миѳическихъ вѣрованій, которыя не всегда, можетъ быть, сознательно, но жили въ душѣ Кольцова и противъ его воли находили себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ языкѣ. Мысли Кольцова о многихъ предметахъ такъ же просты наивны, какъ проста философія народная, выращенная на почвѣ древнихъ миѳовъ.

Приведемъ примѣры нѣкоторыхъ народныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ произведеніяхъ Кольцова.

Изъ различныхъ представленій души человѣческой самымъ распространеннымъ среди народа является представленіе души въ видѣ огня! Какъ безъ огня, то-есть, свѣта и теплоты, немыслима жизнь въ человѣкѣ. Метафоры и уподобленія въ народномъ языкѣ указываютъ на сближеніе различныхъ душевныхъ движеній съ огнемъ. Чувство называется горячимъ, теплымъ, пылкимъ; о любви говорится, что она возгорѣлась или погасла; гнѣвный человѣкъ называется вспыльчивымъ; о смерти говорится: жизнь погасла.

Подобныя миѳическія представленія нерѣдко встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Кольцова: любовь — огонь, съ огня пожаръ (73), пла-

менѣть любовью, горѣть огномъ любви (43), любовь сіяетъ на устахъ (78), много въ сердцѣ огня (86).

И тѣхъ нѣтъ ужъ дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ (193).

Въ комъ сила есть на радость, на страданье,
Въ томъ духъ огнемъ восторженно горитъ (119).

Высокая дума — огонь благодатный (133).
Сгори же въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей (133).
Сорвали улыбку — сіянье души (132).

Если чувство огонь, то отсутствіе его — холодъ.

Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой (78).

Такой же взгядъ переносится и на неодушевленную природу. Обращаясь къ цвѣтку, Кольцовъ говоритъ:

Скажи, зачѣмъ ты такъ алѣешь?
Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышишь чѣмъ-то, какъ живымъ?

По древнѣйшему миѳическому вѣрованію душа есть искра небеснаго огня, слѣдовательно имѣетъ божественное происхожденіе. Отсюда понятны выраженія:

Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь (99).
И сердца жизнь живая
И чувства огонь святой (146).

Въ связи съ представленіемъ души въ видѣ пламени или огня существуетъ и другое представленіе души въ видѣ звѣзды. Звѣзды по миѳическимъ вѣрованіямъ — искры небеснаго огня — божества.

У каждаго человѣка есть своя звѣзда, т.-е. душа (искра). Паденіе звѣзды (души) означаетъ смерть, появленіе же новой — рожденіе человѣка.

На небѣ столько звѣздъ, сколько на землѣ людей. Съ другой стороны, символомъ солнца и звѣздъ служило зрѣніе. По вѣрованіямъ народнымъ очи человѣческія создались отъ солнца и звѣздъ. Сближеніе глазъ человѣка съ свѣтилами небесными, солнцемъ и звѣздами, было причиной того, что первые получили сверхъестественную, таинственную силу. Человѣкъ перенесъ на самого себя нѣкоторыя свойства солнца и звѣздъ. Знойный блескъ солнца производитъ засуху, болѣзни и т. п.; та же страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Эти представленія народныя отражаются въ стихахъ Кольцова. О глазахъ поэтъ говоритъ:

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны (121).
Вашихъ глазъ я боюсь, какъ огня (16).
Словно въ небѣ звѣзда (118).

Согласно съ народомъ, Кольцовъ смотритъ на природу, какъ на существо живое, которое можетъ вредить или помогать человѣку.

Поэтъ часто обращается къ природѣ. Напримѣръ:

Ты прости-прощай
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!
Одному съ тобой
Надоѣло жить (115).

Разступитесь, лѣса темные,
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Въ стихотвореніяхъ „Урожай“ и „Лѣсъ“ отлицетворены: земля, солнышко, туча, рожь, лѣсъ, буря и пр. Большею частію въ произведеніяхъ Кольцова мы имѣемъ дѣло не съ простыми олицетвореніями, въ смыслѣ реторическихъ фигуръ, а съ живыми предметами, имѣющими въ сознаніи поэта объективное реальное существованіе. Сюда относятся: лѣшій, упырь, домовой, русалка, бѣда, горе и нѣкоторыя другія миѳическія существа.

Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій страшный и косматый,
Чтобъ не вшелъ туда упырь (174).

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлой посмелъ.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій;
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ (84).

Образами народной миѳологіи Кольцовъ иной разъ пользуется даже въ разрѣзъ съ христіанскими воззрѣніями. Такъ о Богѣ поэтъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Кто жъ Онъ, Всемогущій?
Нѣтъ Богу вопроса,
Нѣтъ мѣры Ему! (131)

Въ другомъ же мѣстѣ Богъ изображенъ такъ:

Съ величества трона,
Съ престола чудесъ,
Божій образъ — солнце
Къ намъ съ неба глядитъ.

Подобное представленіе Бога напоминаетъ общеизвѣстное мѣсто изъ стиха о Голубиной книгѣ, гдѣ говорится, что солнце создалось „отъ лица Божьяго“.

Въ народной поэзіи Бѣда, какъ и Горе, относятся къ разряду живыхъ, демоническихъ существъ, которыя неутомимы и неумолимы въ своемъ преслѣдованіи несчастныхъ людей. Кольцовъ изображаетъ это враждебное человѣку существо такъ:

Зла Бѣда — не буря,
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору (71).

Отъ нея не уйти человѣку, ибо она „въ чистномъ полѣ найдетъ, въ темномъ лѣсѣ сыщетъ“ (17). Человѣкъ можетъ „разойтись съ бѣдой,

за то съ горемъ повстрѣчается“. Это изображеніе бѣды почти буквально сходно съ изображеніемъ горя въ народной поэзіи.

Я отъ Горя — въ чисто поле,
Оглянусь я назадъ — Горе за мной идетъ...
О отъ Горя — въ темны лѣса,
А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ,
А я отъ Горя — въ почестной пиръ,
А Горе зашелъ, впереди сидитъ и т. д.

Стефановскій.

Народность пѣсенъ Кольцова.

Основа русской народности есть и была земщина. Смотрите, какъ просто и художественно фантазія народная рисуетъ Микулу Селяниновича, представителя своей земской силы — начала міра, общины, сходки, того богатыря-пахаря, котораго такъ „любитъ матушка сыра-земля“ за то, что онъ (Микула Селяниновичъ).

Идетъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ
. . . .
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ
Съ края, въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то каменья въ борозду валитъ.
Кобылка-то у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичнѣе въ своей незатѣйливой простотѣ образъ пахаря!

Съ какою глубокою любовью и симпатіей отнесся народъ къ представителю своего же брата-пахаря! Какой ребенокъ, только что выучившійся читать, не пойметъ такого образа! Не только пойметъ ребенокъ здѣсь все отъ слова до слова, но и непостижимымъ путемъ передается душѣ его и эта симпатія народа къ своему коренному русскому занятію, изъ подобныхъ стихотвореній народныхъ онъ лучше и глубже знаетъ родину, ея быть, чѣмъ зазубривая въ учебникахъ русской исторіи имена Святополковъ и Ярославовъ, читая мертвую букву, глядя на нѣмую, ничего не говорящую ему карту.

Сравните „Пѣснь пахаря“ съ приведенною выше пѣснью народа о Микулѣ Селяниновичѣ. Сколько между ними общаго, согласнаго! Не слышимъ ли мы въ пѣснѣ: „Ну, тащися, сивка!“ и другихъ пѣсняхъ Кольцова этой звучащей въ каждомъ словѣ пѣсни, любви къ своему землѣдельческому быту, любимому предмету народной думы? Микула Селяниновичъ говоритъ о себѣ:

А я ржи напашу да во скирды сложу,
Въ скирды сложу, домой выволочу,

Домой выволочу да дома выколочу;
Драни надеру да пива наварю,
Пива наварю да и мужиковъ напою...
Станутъ мужики мнѣ покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ.

Кольцовскій поетъ:

Весело на пашнѣ.
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху.
Телѣгу готовлю
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую...

Что же при сравненіи теряетъ нашъ поэтъ-прасолъ? Нѣтъ!

Вѣетъ радостію,
Дышитъ сладостію

отъ пѣсни кольцовскаго пахаря! Какъ „весело“, съ какою нѣжностію относится нашъ пахарь къ сивкѣ, къ пашенкѣ, зернышку, травкѣ-колосу, который у него рядится въ „золотыя ткани“, ко всему, что доставляетъ и составляетъ „хлѣбъ — его богатство“. Хлѣбъ этотъ, на языкѣ народа „хлѣбушко“, и не сходитъ съ языка нашего русскаго мужичка. И на пирушкѣ мужики

Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ.

Хлѣбъ и урожай — предметъ мечты крестьянина, къ нему несутся завѣтныя его думы. Кольцовъ, въ которомъ билось русское, народное сердце, почуялъ всю важность этого земскаго дѣла для русскаго народа и три думы думаетъ за поселянъ:

Ихъ завѣтныя
Думы мирныя:
Дума первая —
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали —
Богу — Господу

Помолилися;
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою:
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать.
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать...

когда дѣло идетъ о хлѣбѣ, пашнѣ, посѣвѣ, урожаѣ — кровныхъ интересахъ русскаго міра. Мужичокъ не хозяинъ личность безотрадная; мало того, личность оскорбительная для народа-пахаря. Въ глазахъ народа мужикъ не хозяинъ — ренегатъ, измѣнникъ кореннымъ убѣжденіямъ русскаго ума, древнимъ началамъ русскаго быта. Теперь

понятно, почему беззаботность въ крестьянскомъ дѣлѣ, лѣнивый мужикъ и вызвалъ изъ души Кольцова такой жалобный укоръ, такую сжимающую сердце пѣснь: „Что ты спишь, мужичокъ“ и слушайте, какою безотрадною тоскою, какимъ страшнымъ горемъ, слезами, рыданьемъ звучитъ она!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ по травѣ
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ:
И погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Всякій предметъ земледѣльческаго — родного, завѣтнаго быта, Кольцовъ облекаетъ своимъ поэтическимъ ореоломъ, смотритъ на все въ жизни сельской съ любовію, относится къ нему съ какимъ-то благоговѣніемъ, точно къ святынѣ. Хлѣбъ въ его глазахъ — даръ Божій, благодать:

Рожь зернистая
Божій гость.

А для пахаря земледѣліе — высокое служеніе, любимое, старинное, святое и самое благородное занятіе:

Лиха-бѣда, въ землю —
Кормилицу ржицу
Мужику закинуть;
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Тамъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Неурожай или другой какой случай съ хлѣбомъ — самое ужасное несчастіе для крестьянина:

И щемитъ и ноетъ,
Болитъ ретивое,
Все изъ рукъ вонъ-плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи:
То скосило градомъ,
То смело пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ.

Слѣдствіе такого несчастія — полная бѣдность и горе:

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ —
Старыя лаптишки
Безъ онучъ и будешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду всхосматишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитого счастья.

Оттого-то лѣность въ крестьянскомъ дѣлѣ — святотатство, явленіе странное; лѣность немыслима.

Гдѣ видна въ нашей литературѣ болѣе траурная картина бѣднаго крестьянина? Далѣе, когда нашъ пѣвецъ села укоряетъ лѣнивца-мужика

за то, что онъ оставилъ на полосѣ хлѣбъ несжатымъ, т.-е. за то, что онъ забылъ свою дорогую и лучшую думу-заботу, отрекся отъ своей народной силы и исторической гордости, въ стихахъ:

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ,
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его —

гдѣ найдете болѣе сильныя выраженія! Это плачъ русскаго человѣка на гробѣ своего поильца и кормильца — хлѣба, который гибнетъ отъ лѣни и нерадѣнія, мотивъ, который взялъ у Кольцова Некрасовъ и выразилъ въ одномъ изъ немногихъ удавшихся ему стихотвореній: „Несжатая полоса". Изъ приведённыхъ пѣсенъ мы видѣли, какъ глубоко проникъ народный элементъ въ поэтической пѣснѣ Кольцова, какъ согласенъ и одинаковъ его и народный взглядъ на главную сторону народнаго быта — на дѣло сельское, крестьянское.

Нельзя не видѣть и въ другихъ пѣсняхъ Кольцова разительнаго сходства съ народными. „Пѣсня Лихача Кудрявича, про рѣчи и пѣсни котораго

Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ,

такъ живо напоминаетъ народнаго красавца Чурилу Пленковича, нашего народнаго Донъ-Жуана, любимца женщинъ. Далѣе, въ этой же пѣснѣ осязательно сказывается русское „авось", русское „по щучьему велѣнью, по моему прошенью" Иванушка-дурачка и русской же душѣ свойственная справедливая вѣра въ свою силу, въ свое великое будущее:

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучьему велѣнью
Все тебѣ готово.
Чего душа проситъ
Изъ земли родится,
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что, шутя, задумалъ
Пошла шутка въ дѣло...

Не слышится ли свистъ Соловья-разбойника, отъ свисту котораго однажды всѣ князья-бояре замертво пали, „а Владиміръ князь, стольно-кіевскій заходилъ раскорякою"; въ пѣснѣ „Тоска по волѣ", гдѣ одинъ молодецъ такъ про себя говоритъ:

Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса —
Али не темный лѣсъ шелохнется.

А ухарство Василія Буслаева, удальца ради удали, драчуна ради драки, озорника ради озорничества, того Василія Буслаева, который за руку кого возьметъ — рука прочь, за ногу возьметъ — нога прочь, а кого ударитъ по горбу, тотъ пойдетъ — самъ сутулится? Это широкая натура русская, для которой всякъ „шире далѣ", для которой

Карауль, ворота
Голова ни по чемъ,

Безъ нея ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня безъ огня
Ходитъ солнышко...
Безъ нея кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Безъ нея на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей припѣвъ
Будетъ по сердцу?
Что жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

Такою же пѣвучестью отличается стихъ въ пѣсняхъ: „Не шуми ты, рожь“... „Горькая доля“, „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали“... и др.

Есть пѣсни, въ которыхъ стихомъ своимъ Кольцовъ изображаетъ драматическое положеніе. Таково, напр., тяжелое духовное состояніе молодца, женившагося неудачно, частію по своей доброй волѣ, частію подъ вліяніемъ своей родни и товарищей. Къ числу сильныхъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ стихи, въ которыхъ Кольцовъ употребляетъ народное реченіе „аль-ни“:

... какъ гляну противъ зорюшки
На ея глаза, бровь черную...
Аль-ни потъ съ лица посыпится,
Аль-ни въ грудь душа застукаетъ...
(„Дерев. бѣда“.)

Или:

Въ эту пору для пріятеля
Заварилъ я брагу хмельную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:
Аль-ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль-ни пламя закрутилося... и др.

Красоту внѣшней формы народныхъ пѣсенъ и литературныхъ памятниковъ составляетъ чисто народный оборотъ рѣчи — отрицательное сравненіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого оборота рѣчи: а) изъ народной пѣсни:

Подъ тобою ли, рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ,
Не трава растетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ — ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.
(„Ты, рябинушка, ты, кудрявая“...)

б) изъ былины:

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньеца...

в) изъ „Слова о полку Игоревѣ“:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, — галицы стады бѣжать къ Дону великому“.

Этимъ оборотомъ рѣчи вполнѣ владѣлъ и Кольцовъ. Примѣры:

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;
Не заря съ небесъ
Красовалася,
Пѣсни чудныя!
Наводили сны,
Сны волшебные,
Не луна на насъ
Любовалася!
. . . .
Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя,
Напѣвали намъ
Уносили въ край
Заколдованный!
(„Пѣсня“ стран. 120.)

Ахъ не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится („Грусть дѣвушки“.)

См. еще пѣсню; „Не булатный ножъ“... и другія. Къ изяществу языка пѣсенъ нашего поэта нужно отнести тѣ поэтическіе обороты рѣчи, которыми онъ изображаетъ глубину и силу чувства человѣческаго, употребляя метафоры, олицетворенія, контрасты и т. д., при чемъ иногда допускаетъ реализмъ въ изображеніи этого чувства, свойственный поэзіи народной.

Проявленіе сильнаго, глубокаго чувства любви поэтъ уподобляетъ огню:

а) Былъ у ней (милой) въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь...
(„Разлука“.)

б) Одному жить —
Сердцу холодно...
Ему надобно
Огнь — душу —
Красну дѣвицу.
(„Пѣсня“.)

в) Милый другъ, погаси
Поцѣлуи твои!
И безъ нихъ при тебѣ
Огнь пылаетъ въ крови;
И безъ нихъ при тебѣ
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!
(„Пѣсня“.)

г) Любовь — огонь; съ огня пожаръ...
Запала въ грудь любовь-тоска...
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая,
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ...
(„Пора любви“.)

Проявленіе глубокаго чувства, напр.:

Свѣтитъ солнышко,
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики,
Да не въ пору.
А весной была
Степь желтая:
Тучки плавали
Безъ дождика“...
Такъ прошла моя
Вся молодость —
Безъ любви души,
Безъ радости...
(„Пѣсня“.)

Яркость образа достигается иногда у Кольцова употребленіемъ словъ въ одной и той же формѣ, отъ одного корня, — словъ, начинающихся съ одной и той же представки, — употребленіемъ тавтологій и т. д.

Я стоялъ-глядѣлъ, задумался,
Снявши шапку, хватилъ о землю... („Дерев. бѣда".)

Или:

И сила есть, да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ, да взять нельзя;
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди да мучайся,
Толкуй съ башкою порожнею... („Пора любви".)

А такіе поэтическіе обороты рѣчи, какъ эпитеты, олицетворенія явленій и силъ природы, тропы и фигуры встрѣчаются чуть не въ каждомъ стихѣ и выписывать ихъ — почти равно тому, что снова приводить пѣсни. *Прядкинъ.*

Пѣсни Кольцова въ стилистическомъ отношеніи.

Принадлежа къ художественной искусственной лирикѣ, т.-е. выражая чувства отдѣльнаго лица, извѣстнаго поэта, пѣсни Кольцова имѣютъ много общаго съ народными пѣснями по содержанію и по формѣ. Кольцова прежде всего интересуютъ случаи изъ простонародной жизни: онъ или представляетъ въ художественно наглядномъ образѣ зависимость крестьянскаго труда отъ дѣйствія природы („Урожай"), или съ любовію воспѣваетъ самый трудъ, тяжелый крестьянскій трудъ („Пѣсня пахаря"), или дѣлится своими чувствами, возбуждаемыми видомъ крестьянина лѣниваго и заботливаго („Что ты спишь, мужичокъ"), или изображаетъ безпощадное дѣйствіе горя и бѣды на человѣка, представляя художественный образъ горемыки-крестьянина („Пѣсни Лихача Кудрявича") и т. п.

Что касается формы, то внѣшняя отдѣлка, различные размѣры стиховъ, различныя ихъ комбинаціи, разнообразное сочетаніе риѳмъ, наконецъ, самая передача чувства поэта болѣе тонкими выраженіями — все это возвышаетъ пѣсни Кольцова надъ народной лирикой. Близость поэта къ народу видна въ самомъ слогѣ его пѣсенъ.

1) Прежде всего характеромъ народности запечатлѣны многіе эпитеты Кольцова: „мать-земля сырая, красавица зорька, вода ключевая" („Пѣсня пахаря"); „поле чистое, темный лѣсъ, русые кудри, сердце ретивое, удаль мододецкая" („Пѣсни Лихача Кудрявича"); „краснымъ полымемъ, туча черная, вѣтры буйные, думы завѣтны., бѣлый свѣтъ" („Урожай"); „дремучій лѣсъ, буйный вихрь, осень черная, безмолвная ночь, заливная соловьиная пѣснь, густолиственный зеленый шлемъ, мочь зеленая" („Лѣсъ"); „кочевой таборъ, ночная тишина, Украйна привольная" („Ночь чумаковъ"); „ясныя очи, полночь мертвая" („Тоска по волѣ"); „ярый воскъ" („Кольцо"); „алмазная звѣзда" („Звѣзда") и мн. др.

2) Сравненія, какъ и въ народномъ языкѣ, довольно разнообразны, — кратки, но характерны и мѣтки: „хмелемъ кудри вьются, кручина, что туча“ („Пѣсни Лих. Кудряв.“); „изба, какъ старушка, сиротой хлѣбъ некошенъ стоитъ“ („Что ты спишь, мужичокъ“); „краснымъ полымемъ заря вспыхнула, разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, словно Божій гость улыбается, какъ князья, скирды сидятъ“ („Урожай“); „темный лѣсъ — богатырь-Бова, буря всплачется лѣшимъ-вѣдьмою“ („Лѣсъ“); „лицо, какъ мраморъ, очи, какъ звѣзды, думы, какъ тучи“ („Поминки“); „заря алая — щеки полныя“ („Косарь“) и мн. др.

3) Какъ и въ народной поэзіи, въ пѣсняхъ Кольцова довольно оригинально употребляются синонимическія выраженія (слова, по значенію сходныя, но указывающія особый оттѣнокъ извѣстнаго предмета или дѣйствія), и тавтологическія (слова одного корня): „съ горести — съ печали, съ радости-веселья, и щемитъ и ноетъ, болитъ ретивое, во время да въ пору, не родись въ сорочкѣ, не родись талантливъ“ („Пѣсни Лих. Кудрявича“); „задумали думушку — Богу-Господу помолилися, дугой-радугой, плыветъ-лоснится“ („Урожай“); „тучей-бурею, вѣтромъ-холодомъ, лѣшимъ-вѣдьмою, дни-роскошества“ („Лѣсъ“); „безъ ума-безъ разума, горевала-плакала, сокрушалась-мучилась“ („Безъ ума, безъ разума“); „загрустилась-запечалилась“ („Хуторокъ“); „житье-бытье, ворожитъ-гадать зиму-зимскую“ („Удалецъ“); „съ ума-разума, прости-прощай, не возьму я въ толкъ — не придумаю“ („Косарь“); „не грусти — не плачь, не печаль лица, не гаси румянца алова“ („Говорилъ мой другъ“) и мн. др.

Изобразительность слога достигается здѣсь еще тропами и фигурами. Встрѣчаются въ пѣсняхъ Кольцова главные виды троповъ: метафора, олицетвореніе, метонимія, синекдоха и гипербола.

1) Назовемъ слѣдующія метафоры-олицетворенія: „зорька загорѣлась, травка выйдетъ, земля вспоитъ, вскормитъ, колосъ станетъ рядиться въ золотыя ткани, борозда называется колыбелью“ („Пѣсня пахаря“); „золотое время, прибыль ползетъ, бѣда ходитъ невидимкой, придетъ, сядетъ рядомъ, пойдетъ и поѣдетъ“ „Пѣсни Лих. Кудр.“); „Хлѣбъ стоитъ сиротой, осень глядитъ, зима идетъ, сундукъ лежитъ, вѣтеръ точитъ, время катилось золотой рѣкой... и ему растворяли двери (трудъ доставлялъ ему и матеріальное обезпеченіе и уваженіе), изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ (быстро лишился своего имущества) — („Что ты спишь, мужичокъ“); „солнышко глядитъ, рожь дремлетъ, улыбается, туча нахмурилась, задумалась, ударила, вспомнила, ополчается, съ горы небесъ, скирды сидятъ“ („Урожай“). Стихотвореніе „Лѣсъ“ полно олицетвореній: лѣсъ художественно представленъ въ образѣ сказочнаго богатыря-Бовы: онъ затуманился темной грустью, онъ стоитъ съ непокрытой головой, онъ лишенъ густолиственнаго зеленаго шлема, плащъ упалъ и разсыпался; буря въ видѣ одушевленнаго существа: съ бурею разговоръ пойдетъ, буря обойметъ, всплачется, разыграется и т. п.

2) Метонимія переноситъ понятіе отъ одного предмета на другой, сближая ихъ по какимъ-либо отношеніямъ: „выбѣлимъ желѣзо, заблеститъ серпъ, зазвенятъ косы“ (признакъ вм. дѣйствія или предмета) („Пѣсня пахаря“); „зима хруститъ“ („Что ты спишь, мужичокъ“); „вѣтерокъ плыветъ“, вм. рожь колышется отъ дуновенія вѣтра, золотой волной разбѣгается“ („Урожай“); „силы вражія“, вм. враги („Лѣсъ“) и др.

3) Синекдоха переноситъ понятіе съ одного предмета на другой, собирая ихъ по количеству: „хлѣбъ — мое богатство“ („Пѣсня пахаря“); „птица клюетъ зерно, вѣтеръ точитъ его“ — ед. вм. множ. („Что ты спишь, мужичокъ“); „другъ и недругъ твой прохлаждаются“ — ед. вм. мн., „сняли голову — часть вм. цѣлаго („Лѣсъ“) и др.

4) Гипербола Кольцова указываетъ на чрезвычайную быстроту дѣйствія: „какъ глазомъ моргнуть — растворилась изба“ („Хуторокъ“).

Для болѣе живого выраженія своихъ мыслей и чувствъ Кольцовъ прибѣгаетъ къ такъ называемымъ фигурамъ обращенія, восклицанія, вопрошенія, повторенія, противоположенія и умолчанія.

Къ пѣснѣ „Пахаря“ поэтъ отъ лица пахаря обращается къ сивкѣ, какъ будто она можетъ понимать хозяина и сочувствовать ему. Стихотв. „Что ты спишь, мужичокъ“ представляетъ обращеніе поэта съ рѣчью къ мужику, въ стихотвор. „Лѣсъ“ поэтъ обращается къ лѣсу, въ стих. „Косарь“ — къ степи и т. п.

Поэтъ часто отъ избытка чувствъ выражаетъ ихъ или въ видѣ восклицаній или вопросовъ.

Фигуры восклицанія и вопрошенія встрѣчаются въ стихотв. „Лѣсъ“, „Что ты спишь, мужичокъ“, „Пѣсня пахаря“, „Косарь“, „Тоска по волѣ“ и мн. др.

Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!...
. . . .
Раззудись, плечо!
Отчего же такъ не возьму я въ толкъ?
(„Косарь“.)
. . . .
Гдѣ жъ друзья мои — товарищи?

Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня!
. . . .
Куда дѣлись, разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помощи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ.
(„Тоска по волѣ“).

Фигура повторенія — когда поэтъ, желая усилить впечатлѣніе, повторяетъ какое-нибудь слово или цѣлое выраженіе въ рѣчи (фигура особенно употребительна въ народной поэзіи[1]):

Порой онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль („Звѣзда“).

. . . .
Небось весело теперь матушкѣ...
Небось весело глядѣть батюшкѣ...
Небось сердце въ нихъ разрывается...

---

[1]) Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
Ко стремени булатному прикована.

Фигура антитезы или противоположенія имѣетъ мѣсто тогда, когда составляются противоположные предметы для болѣе сильнаго выраженія мысли и чувства: „въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ, смеркаетъ степь, горитъ заря“ („Пора любви“).

Фигура эллипсисъ употребляется тогда, когда авторъ не договариваетъ мысли подъ наплывомъ какого-нибудь чувства:

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...

Крыловъ.

Языкъ пѣсенъ Кольцова въ грамматическомъ отношеніи.

Языкъ и слогъ пѣсенъ Кольцова могутъ быть названы вполнѣ народными и въ полномъ значеніи этого слова. Главнѣйшими особенностями языка и слога пѣсенъ Кольцова должно считать слѣдующія:

I. По отношенію къ грамматическимъ формамъ:

1) Постоянное употребленіе ласкательныхъ и уменьшительныхъ формъ, подобно тому, какъ это вполнѣ обычно и въ языкѣ народныхъ пѣсенъ: и горюшко, сердечко, сироточка, дѣтинка, зорька, солнышко, зернышко, травка, домикъ, дѣтки, горенка, думушка, малинушка, перстенечекъ, птички, кручинушка, бережокъ, купчикъ, хуторочекъ, старушка, дорожка, снѣжокъ, бражка, волюшка, сердечушко, дружокъ, вѣтерокъ“ и др., при чемъ уменьшительныя, утрачивая свое грамматическое значеніе, очень часто не указываютъ на малость предмета, какъ это замѣчается въ произведеніяхъ народной словесности.

2) Употребленіе краткой формы именъ прилагательныхъ на мѣстѣ опредѣлительныхъ словъ, согласно языку народныхъ:

а) Вспало горюшко
Въ молодую грудь
Добра молодца
(„Эхъ не время“);

б) Въ широкихъ степяхъ
Дона тихаго
Зелена трава
Давно скошена;
На селѣ косцы
Давно женятся,
Только нѣтъ его
Ясна сокола
(„Грусть дѣвушки“);

в) Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про *широку* степь
(„Не шуми ты, рожь“);

г) Ворота *тесовы*
Растворилися
(„Крестьянская пирушка“).

3) Обычное, какъ и въ языкѣ народныхъ пѣсенъ употребленіе дѣепричастія на *чи* (вм. дѣепричастія на *я*):

а) Говорилъ мнѣ другъ *прощаючись*
(Пѣсня);

б) Такъ, за полночь съ нею *сидючи*,
По душѣ мы рѣчь затѣяли
(„Деревенская бѣда“);

в) И сидишь, глядишь
Улыбаючись
(„Доля бѣдняка“).

4) Усиленіе качества и количества прибавкою творительнаго падежа:

а) Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачехой
Самъ-собою быть
(„Дума сокола").

б) Весной степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими
Пѣвучими *полнымъ-полна*
(„Пора любви").

5) Употребленіе формъ глаголовъ и именъ существительныхъ, образованныхъ примѣнительно къ говору извѣстной мѣстности:

а) Иль не *хочутъ* дать мнѣ помочи
(„Тоска по волѣ");

б) Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку *колыхаетъ*
(„Пѣсня");

в) И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе
(„Тоска по волѣ").

II. Въ лексическомъ отношеніи въ пѣсняхъ Кольцова замѣчается значительный подборъ словъ и оборотовъ чисто народныхъ. Таковы, напримѣръ:

1) Имена существительныя: *вѣщунъ, непогодь, безвременье, человѣчины, присуха, соня, полымя, мурава, прясло* и др.

а) Вѣщунъ — сердце говоритъ
(„Теремъ");

б) Одичалъ, замолкъ...
Только въ *непогодь*
Воетъ жалобу
На *безвременье* („Лѣсъ");

в) Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой
(„Старая пѣсня");

г) У васъ весной *присуха* есть,
Сильнѣй *присухъ* нашептанныхъ...
(„Пора любви");

д) Враги царскіе не дремлютъ,
Я жъ, какъ *соня*, здѣсь живу
(„Пора любви");

е) Краснымъ *полымемъ*
Заря вспыхнула
(„Урожай");

ж) Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной
(„Совѣтъ старика");

з) Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ *прясло* глядитъ
(„Что ты спишь, мужичокъ").

2) Имена прилагательныя: *пододанный, зимскій, подкошоный, набраный, разымчивый, заливной* и др.

а) Гой ты, сила *пододонная!*
Отъ тебя я службу требую!
(„Тоска по волѣ");

б) Зиму-*зимскую*
Жить за печкою
(„Удалецъ");

в) Зашуми трава,
Подкошоная
(„Косарь");

г) За дубовые столы,
За *набраные*,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые
(„Крестьянская пирушка");

д) Брага хмельная
Не *разымчива*
(„Доля бѣдняка");

е) *Заливная* пѣснь
Соловьиная („Лѣсъ").

3) Глаголы: маять, коротать, озваться, домыкать, взгадывать, пилатить, записать, гуторить, раззориться, раззудиться, стухнуть, нагустить, спориться, завихриться и др.

а) Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами („Лѣсъ");

б) Поѣхалъ въ путь
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ
(„Два прощанія");

в) До чего ты, моя молодость,
Довела меня, *домыкала*
(„Перепутье").

г) Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицѣ
Озвалась она
И *запала* въ ней
(„Молодая жница");

д) Грустно среди пиршества
О могилѣ *взгадывать*
(„Совѣтъ старика");

е) Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи *гуторятъ*.
(„Крестьянская пирушка");

ж) Москву-матушку *пилатить* —
Кушать мясо и пить кровь!
(„Старая пѣсня");

з) И *разгорившись* казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой:
Въ гости родныхъ созываетъ,
Свахой тетку наряжаетъ
(„Женитьба Павла");

и) Раззудись, плечо
Размахнись, рука! („Косарь");

к) И тѣ ясныя
Очи стухнули.
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

л) Разгорѣлся день,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную
(„Урожай");

м) Что работаю —
Все мнѣ *спорится*
(„Косарь");

н) Бросить домъ свой, отца стараго,
Да, Богъ вѣсть куда, *завихриться*
(„Пѣсня").

4) Нарѣчія въ народной формѣ и сложныя нарѣчія: *горма, знать, наотрѣзъ, малъ-мала-меньше, не съ проста-ума, наружѣ, безъ-просыпу, сиднемъ и др.*

а) Всю сожло ее
Поле жаркое;
Горитъ *горма* все
Лицо бѣлое
(„Молодая жница");

б) Захотѣлось, *знать*, полетать, погулять
(„Пламенѣя, горя");

в) *Наотрѣзъ* старикъ
Отказалъ вчера („Косарь");

г) У нихъ дѣтей куча
Все *малъ-мала-меньше*
(„Размышленіе поселянина");

д) *Не съ проста ума*
Женщина жнетъ-не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается („Молодая жница");

е) *Наружѣ* кладъ — да взять нельзя
(„Пора любви");

ж) И весь день на печи
Безъ-просыпу лежишь
(„Что ты спишь, мужичокъ");

з) Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?
(„Дума сокола").

5) Народные обороты, выраженія, а также провинціализмы: *душой кланяюсь, держи около, поступь павлиная, рѣчь соловьиная, по щучью велѣнью, монисты, чекмень, черевики, гужомъ ѣхать, ладить соху, выбѣлить желѣзо, пѣсни играть* и др.

а) Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А *душой* тебѣ я *кланяюсь*
(„Тоска по волѣ");

б) Воротись назадъ,
Держи около
(„Лѣсъ");

в) Полюбилъ я эту дѣвушку,
Что душою — больше разумомъ:
Больше *поступью павлиною*
Да что *рѣчью соловьиною*
(„Деревенская бѣда");

г) Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово
(„1-я пѣсня Кудрявича");

д) Всю *монистами* покрытую
(„Деревенская бѣда");

е) Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну *чекменъ*
Полечу въ лѣса („Удалецъ");

ж) Да платокъ, да *черевики*
(„Женитьба Павла");

з) Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ *пѣсни игрывалъ*
(„Деревенская бѣда");

и) А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села *гужомъ*
Въ пору *выѣхать*
(„Урожай");

к) Весело я *лажу*
Борону и соху
(„Пѣсня пахаря");

л) Ну тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю
(„Пѣсня пахаря").

III. Въ синтаксическомъ отношеніи:

1) Употребленіе разговорной формы при изложеніи мыслей, выражаемыхъ при этомъ главными, совершенно краткими и отрывочными („Хуторокъ", „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись", „Какъ женился я, раскаялся", „Ночь" и др. пѣсни Кольцова).

2) Хотя безсоюзное соединеніе предложеній является вообще преобладающимъ въ пѣсняхъ Кольцова, какъ въ произведеніяхъ народной лирики, однако встрѣчается и сочетаніе предложеній и при помощи союзовъ, какъ это весьма часто встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ:

И нужды поправить
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить
(„Размышленіе поселянина");

при чемъ допускается и вполнѣ обычное повтореніе одного и того же союза:

а) А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ
На землѣ у людей
Выраженья имъ нѣтъ
(„Если встрѣчусь съ тобой");

б) Если бъ молодцу
Ночь *да* добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса.
(„Удалецъ").

Такое повтореніе одно и того же союза, напримѣръ, въ пѣснѣ: „Дума сокола" встрѣчается четыре раза, что, впрочемъ, отнюдь, не нарушаетъ гармоніи стиха.

3) Выраженіе предлоговъ, весьма вообще обычное и въ народномъ языкѣ:

Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ
За крещеный міръ
Сложить голову! („Удалецъ");

и совершенно свободное присоединеніе къ тому или другому слову предлоговъ въ чисто народномъ духѣ:

а) Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ
(„Не шуми ты, рожь");

б) Бахрамой-кисеей
Принаряжена
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила вокругъ
Съ поцѣлуями
(„Крестьянская пирушка");

в) *Призатихъ* говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ
(„Крестьянская пирушка");

г) Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать
(„Урожай");

д) Туча черная
Понахмурилась
(„Урожай");

е) Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась
(„Косарь");

4) Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ въ народномъ духѣ:

а) *Проходи* попъ, баринъ —
Волоска не тронемъ.
(„Пѣсня");

б) И прости — *прощай*
Село родное!
(„Косарь") и вообще.

5) Разнообразіе въ употребленіи глагольнаго сказуемаго, напримѣръ

а) Если мастеръ — *плясать*
Пѣть мы пѣсни *давай*
(„Хуторокъ");

б) Мѣсяцъ *будь иль не будь*
Конь дорогу найдетъ
(„Пѣсня").

Истоминъ.

Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова.

Каждому, конечно, приходилось наблюдать, что дѣти охотнѣе выбираютъ и заучиваютъ тѣ, преимущественно, стихотворенія, которыя для нихъ наиболѣе понятны, и наоборотъ избѣгаютъ и неохотно заучиваютъ все для нихъ непонятное, недоступное. Вотъ эта-то понятность, простота, которую со стороны содержанія слѣдуетъ назвать реальностію изображаемыхъ предметовъ, а со стороны изложенія ихъ образностію, и которая прежде всего свойственна дѣтскому мышленію, и составляетъ отличительную черты поэта Кольцова. Она привлекаетъ юную мысль и нѣжное раскрывающееся чувство. Поэтъ заключилъ въ свои пѣсни видимый конкретный міръ, со всей его неизбѣжной правдой и обворожительной красотой. Здѣсь все знакомые, понятные предметы: „красавица зорька", „вода ключевая", „сыръ-дремучій боръ", „соловей залетный", „конь быстрый", „рожь зернистая", „пѣсни грустная" и т. д. Это не отвлеченный сухой міръ человѣческой мысли, не созданіе человѣческаго генія, это самая живая мать-природа, сама, доступная всѣмъ и вѣчно занимательная, вѣчно новая и знакомая дѣйствительность. Она вторгается въ душу человѣка, поднимаетъ дремлющія въ ней силы настраиваетъ ихъ высоко. Во внутреннемъ мірѣ его, въ движеніяхъ то трепетно-радостныхъ, то задумчиво грустныхъ она, мать-природа, находитъ восхитительный отзвукъ для вдохновляющей своей гармоніи. Дѣвочка понимаетъ „соловья залетнаго", котораго посылаетъ поэтъ къ окну „души дѣвицы", потому что она слышитъ, какъ соловей, дѣйствительно, поетъ подъ ея окномъ, когда мѣсяцъ ясный смотритъ съ неба въ ея кроватку. Мальчикъ понимаетъ, какъ это

„тучи черныя понахмурились и задумались“, такъ какъ онъ самъ видѣлъ эту страшную тучу, которая хмурилась, какъ старая бабушка, разсердившаяся за проказы на внука; онъ видѣлъ ее и притихъ отъ страха.

Мы знаемъ, какое сильное впечатлѣніе производила природа на самого Кольцова, среди которой онъ выросъ: ясное небо, лѣса, степь, цвѣты, степной огонекъ вечерній, на которомъ варилась каша чумаковъ, конь, съ котораго онъ не слѣзалъ по цѣлымъ днямъ, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Все это производило на него сильное впечатлѣніе и вызывало различныя, но прекрасныя чувства. Они вылились въ чудные звуки его задушевныхъ пѣсенъ. Пусть дѣти читаютъ и поютъ эти пѣсни: онѣ возвышаютъ и облагораживаютъ душу. Потому-то, какъ замѣчали мыслители и поэты, отъ Аристотеля до Бэкона и Гёте, ничто такъ не облагораживаетъ человѣка, какъ созерцаніе природы, посредственное ли то, или въ поэтическихъ образахъ.

Съ простотою сюжетовъ пѣсни Кольцова заключаютъ замѣчательную образность языка, которую мы назвали простотою изложенія. Эта образность даетъ предметамъ наглядность, картинность и живость впечатлѣнія, что въ высшей степени важно для развивающагося дѣтскаго воображенія. Рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтишь гдѣ-либо такое богатство эпитетовъ, красивыхъ и сильныхъ, какъ здѣсь. Тутъ и земля, пьющая воду, и солнышко, глядящее съ горы небесъ, и рожь зернистая, какъ Божій гость, улыбающійся во всѣ стороны дню веселому... Все одушевлено чувствомъ, все движится и живетъ, какъ будто жизнь человѣческая передалась предметамъ, и они ожили и одухотворились и заблистали какой-то необыкновенной для нихъ человѣческой красотой. Міръ, самъ по себѣ прекрасный, сдѣлается еще лучше. Его дѣйствіе не ослабло, не поблѣднѣло, напротивъ, одухотворенный, онъ сталъ болѣе способнымъ передать привлекательныя качества человѣка и глубокій смыслъ моментовъ человѣческаго существованія: „ясный соколъ“ напомнилъ „добраго молодца“, „небесный свѣтъ засвѣтился въ глазахъ“, „души-дѣвицы“, а „старый хрѣнъ“ указалъ на старосту. Или какой художественный символъ могъ бы лучше, нагляднѣе и вѣрнѣе представить молву, „растущую до неба и шагающую до моря“, по словамъ Виргилія, какъ не художественный образъ птицы, имѣющей „вѣщее“ значеніе въ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ.

Ахъ не птица тамъ
Летитъ по небу,
То печальный слухъ
О немъ носится.

Или эти, напримѣръ, простыя, сердечныя трогательныя обращенія къ неодушевленнымъ предметамъ, которые какъ бы сочувствуютъ человѣческому горю и принимаютъ участіе въ его дѣлахъ и желаютъ ему добра.

Отчего, скажи, мой любезный серпъ,
Почернѣлъ ты весь, что коса моя?...
Видитъ солнышко, жатва кончена,
Холоднѣй оно пошло къ осени...

Въ критическіе моменты жизни, когда приходится бороться за жизнь и счастіе, кто лучше помогаетъ ему, какъ не та же одушевленная природа, которую онъ считалъ страшной и могущественной. Стоитъ, поэтому обратиться къ ней съ мольбой, и она засвищетъ пронзительнѣе Соловья-разбойника, расходится ужаснѣе Бовы-силача.

Подымайся, туча-буря,
Съ полуночной грозой,
Зашатайся лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой—
Чтобъ погони злойояринъ
Вслѣдъ за нами не слалъ:
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Такимъ отношеніемъ человѣка къ природѣ, мысли къ слову, идеальнаго къ реальному, поэзія Кольцова напоминаетъ эпическую старину. На зарѣ духовной жизни народы мыслятъ также конкретно и образно, и потому языкъ народнаго поэтическаго міросозерцанія символиченъ. Явленія природы некультурный человѣкъ объясняетъ по аналогіи съ явленіями собственной жизни и свою индивидуальную жизнь переводитъ на языкъ вещественнаго міра. Весь міръ населяетъ живыми существами, видитъ ихъ за каждымъ кустикомъ, овражкомъ и горою, и думаетъ, что каждое изъ этихъ существъ можетъ быть въ извѣстное время или добрымъ, или злымъ, какъ онъ. Вѣра въ чудесное составляетъ поэтому существенный элементъ въ народной эпической поэзіи. Здѣсь обычны и разнаго рода обращенія, олицетворенія, метафоры и превращенія: Тьмутаранскій князь, напримѣръ, перерыскиваетъ въ Кіевъ сѣрымъ волкомъ. Ярославна летитъ зегзицею (кукушкой) по Дунаю и проситъ вѣтры, стрибожихъ внуковъ, не вѣять стрѣлы на полки Игоревы и т. п. Все это мы находимъ въ поэзіи Кольцова. Его слѣдующія, напримѣръ, строки:

Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про свою любовь къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ...

Или:

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ...

вполнѣ согласны съ народной вѣрой въ фантастическія существа.

Этого мало. Въ стихотвореніи „Лѣсъ“ („Что дремучій лѣсъ призадумался“?) онъ относитъ нашу мысль къ тому времени, когда европейскіе народы въ своемъ духовномъ развитіи отъ миѳическаго періода переходили въ героическій, и когда на мѣсто стихій природы, въ образѣ боговъ являлись герои и полубоги, надѣленные человѣческими атрибутами: Бовы-королевичи, Соловьи-разбойники, Ильи-Муромцы, Микулы-Селяниновичи. Словомъ, его поэзія напоминаетъ поэзію миѳическаго и героическаго эпоса: въ ней, какъ тамъ, та же безыскусственная простота, тотъ же художественный символизмъ, тѣ же пріемы обращенія, сравненій и та же вѣра въ сверхъестественное, тотъ же народный идеализмъ. Вотъ почему его поэзію и называютъ народной, а его самого народнымъ поэтомъ.

Съ младенческимъ состояніемъ народовъ сравниваютъ дѣтскій возрастъ. И это вполнѣ справедливо, потому что у дѣтей, какъ и у народа, мышленіе такъ же просто и богато воображеніемъ, рѣчь такъ же жива, кратка и наглядна и сопровождается жестами и тѣлодвиженіями. И не работаетъ, кажется, въ иномъ возрастѣ такъ сильно способность сравненія, характеристики по названіямъ, какъ въ дѣтствѣ, когда воображеніе быстро находитъ средство между различными, иногда отдаленными предметами, которое взрослымъ людямъ не такъ замѣтно. Это хорошо видно изъ тѣхъ прозвищъ, кличекъ, названій, какія дѣти часто даютъ другъ другу, подобно низшимъ народамъ. Какъ у послѣднихъ, такъ и у нихъ развита, далѣе, потребность къ воодушевленію матеріи, въ чемъ помогаетъ имъ воображеніе и отсутствіе критики и анализа. Ребенокъ считаетъ живымъ существомъ своего картиннаго паяца, и горько, искренно заплачетъ, говоря: „да, чай, ему больно!“, если вы дернете небрежно за ногу паяца, подобно тому, какъ плакали нѣкогда какіе-нибудь поляне, о низвергнутомъ и побитомъ Перунѣ. Вмѣстѣ съ этимъ въ немъ такъ сильна потребность къ наглядности, къ живому воспроизведенію дѣйствительности. Если мальчику приходится изображать изъ себя сѣраго волка, то, посмотрите, онъ перерыскиваетъ дорожку сада не хуже Тьмутараканскаго князя. И дѣвочка, представляющая лебедя, машетъ крыльми, не уступая кукушкѣ — Ярославнѣ.

Если таковы свойства и особенности дѣтскаго мышленія, что онѣ вполнѣ сходны съ качествомъ и особенностями народнаго ума, то народныя пѣсни Кольцова отвѣчаютъ, слѣдовательно, вполнѣ этимъ особенностямъ и потребностямъ. Какъ народъ въ началѣ пробужденія умственной жизни находитъ пищу для своего духовнаго роста въ поэтическихъ созданіяхъ своего творческаго воображенія, такъ и дѣти въ поэзіи Кольцова находятъ себѣ богатый матеріалъ для умственнаго развитія. Всѣ особенности и условія дѣтскаго міросозерцанія заключены въ этой поэзіи. Намъ не могутъ возразить на это, что присущій ей элементъ чудесный служитъ плохимъ матеріаломъ для развитія, потому что этотъ элементъ не есть нѣчто искусственно созданное и навязываемое дѣтскому воображенію; нѣтъ, онъ реаленъ, онъ лежитъ въ самой его природѣ, это его потребность, какъ онъ былъ въ исторіи народа, какъ неизбѣжный результатъ его духовнаго развитія. Это одинъ опредѣленный фазисъ, который потомъ смѣняется другимъ, по законамъ духовнаго развитія (эволюціи), въ общей и единичной жизни.

Поэзія нашихъ предковъ интересна потому, что въ ней отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія находимъ въ ней, интересны потому, что нѣкогда они не были заблужденіями: цѣлые народы вѣрили имъ и по нимъ располагали свою жизнь. „Тамъ видна жизнь своего времени, рисуется міръ души человѣческой, съ тѣми особенностями, какія производитъ въ немъ жизнь народа или одного человѣка въ извѣстную эпоху или періодъ возраста“.

Дѣтямъ нравятся произведенія народнаго эпоса. Зачѣмъ же навязывать имъ разные неестественные ходульные разсказы, повѣсти, нарочно сочиняемые разными досужими мастерами? Всякой нравственной сухой сентенціи ребенокъ скорѣе предпочтетъ занимательную сказку старой няни. Пушкинъ, какъ народный поэтъ, болѣе всего былъ обязанъ сказкамъ своей няни Родіоновны, сумѣвшей заронить въ немъ любовь къ родной поэзіи. И не одинъ Пушкинъ обязанъ многимъ народной поэзіи. Многіе замѣчательные ученые, знатоки народной жизни, поэты, композиторы еще въ дѣтствѣ знакомились съ народной жизнью, съ народнымъ міровоззрѣніемъ, съ народными мотивами по пѣснямъ, какія слыхали отъ взрослыхъ, подобно финскому пѣвцу „Калевалы". „Хочется мнѣ пѣть, повѣдать родную старину" такъ начинаетъ финскій поэтъ свою „Калевалу". „Этимъ пѣснямъ учила меня мать моя, вертя свое веретено, когда малымъ ребенкомъ прыгалъ я около колѣнъ ея"...

Въ пѣсняхъ Кольцова заключается не только природа, съ ея явленіями и предметами, и элементы эпическаго народнаго міросозерцанія, но и сама жизнь народа, какъ открывается она въ дѣйствительности, съ ея радостями и горемъ. Это цѣнный полезный матеріалъ собственно для развивающагося дѣтскаго разсудка. Не одна природа, одухотворенная силою поэтическаго генія, возвышаетъ душу до міра идеальнаго, но и созерцаніе реальной жизни человѣка и великаго труда его, облагораживаетъ сердце, воспитываетъ чувства для симпатіи къ человѣчеству и для уваженія его. Сложность жизни, разнообразіе человѣческихъ интересовъ, борьба за жизнь и счастіе — все это даетъ гораздо большій урокъ сознанію и больше и сильнѣе дѣйствуетъ на нравственную сторону человѣка, чѣмъ даже идеализованный взглядъ на дѣйствіе однообразныхъ и необходимыхъ законовъ природы. Если въ природѣ онъ чувствуетъ себя подавленнымъ ею, теряетъ энергію, чтобы бороться съ тѣмъ, что мѣшаетъ его благополучію, то уже здѣсь, при взглядѣ на жизнь, имъ овладѣваетъ другое чувство, увлекающее его въ сторону лучшихъ дѣйствій, въ направленіе борьбы за счастіе свое и своихъ ближнихъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно лучше научиться уважать трудъ человѣка, цѣнить его великое назначеніе, какъ не у Кольцова, изображающаго трудъ поселянина, его тяжесть, святость, полезность и пріятность? Или гдѣ, лучше научиться цѣнить то, что имѣешь, свое благополучіе, какъ не при мысли о той бѣдной горемычной долѣ бѣдняка и сироты, которая такъ трогательно представлена у того же Кольцова? А любовь къ народу, сочувствіе къ его простой и мирной жизни? Кто можетъ живѣе пробудить ихъ въ молодомъ сердцѣ, воспитать на нихъ для дѣятельной полезной жизни, какъ не онъ же, любимый народный поэтъ?

Васильковъ.